

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ДОВЕРЬСЯ
ВРАГУ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Доверься врагу

«Автор»

2010

Самаров С. В.

Доверься врагу / С. В. Самаров — «Автор», 2010 — (Спецназ ГРУ)

Сначала смертельные враги, потом – добрые друзья... Что может связывать отставного полковника спецназа ГРУ Семиверстова и бывшего чеченского полевого командира Актемара Дошлукаева спустя годы после окончания войны? Только бойцовская нетерпимость к проискам третьих сил – американских спецслужб, разработавших новейшее супероружие под кодовым названием «Томас». Это оружие направлено на уничтожение России – значит, пришло время даже бывшим противникам встать в один строй. Отныне у них общая боевая задача – спасти свою страну...

© Самаров С. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	5
Часть I	16
Глава первая	16
Глава вторая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Самаров

Доверься врагу

Пролог

Почти идеально прямая, с тщательно выровненным тартасфальтом,¹ Си Стрит, не повторяя плавные изгибы берега, тянулась вдоль узкой полосы пляжа с редким красным песком на целых четыре с половиной километра до самого каменного мыса, дальше уже автоматически переходя в асфальтированное шоссе. Двух- и изредка трехэтажные аккуратные дома, гордящиеся своими ухоженными газонами и стриженными кустами, стояли, как это обычно бывает, только по одну сторону улицы, не загораживая вид на пляж и на солнце. Солнце в Соренто-Кид красиво только на закате, когда оно красным столбом отражается в океане, а потом растворяет этот столб в красном же песке. В дневное время оно белое и жаркое, иногда почти изнуряющее. Нормальное калифорнийское солнце. Но шоколадным любителям пляжного отдыха такое было больше всего по душе. В разгар пляжного сезона сюда, на калифорнийское побережье, съезжалось множество отдыхающих, полностью заполнявших все четыре небольших отеля Соренто-Кид и все близлежащие мотели, которые едва ли кто-то когда-то считал. Но на пляже, как правило, отдыхало не больше половины из приехавших, остальные же, вместе со своими разноцветными пластиковыми досками для серфинга, предпочитали уезжать за каменный мыс, где легче поймать длинную волну, на которой можно кататься и кататься в свое удовольствие. Главное – суметь правильно выбрать подходящую волну и грамотно «оседлать» ее. Большинство приезжих с этим справлялось хорошо, и потому вид серфингиста, катящегося на гребне мимо пляжа, редкостью не был.

Помимо дороги, улицу от пляжа отгораживала узкая полоса пальм, под которыми, вдоль всего тротуара, прямо на мягкой траве были установлены небольшие и легкие скамейки для отдыха. Сиди себе в тени, когда солнце в зените, и любуйся морем. Вид моря всегда успокаивает и вообще действует на человека благотворно. Отдых на скамейках предпочитали пляжному песку пожилые пары, которые выходили на воздух ближе к вечеру, когда было не так жарко.

В этот день было особенно ветрено, бриз приходил с моря под острым углом, потом, отражаемый лесистыми горами, окаймляющими городок, поворачивал вдоль берега в сторону каменного мыса. Общеизвестно, что в такую погоду волна для любителей серфинга бывает особенно хорошей, хотя и довольно опасной. Люди с досками уехали за мыс, чтобы не упустить такой день. Посмотреть на них, поскольку ветер дул с другой стороны и волны шли не от мыса, а в его сторону, отправились и многие из тех, кто сам оседлать на доске волну не решался. И загорающих на пляже было не так много, как обычно.

Моложавый, но седой человек в белом костюме и с непокрытой коротко стриженной головой сидел на одной из скамеек под пальмами, читая газету. Выглядело это не совсем серьезно, потому что ветер газету старался из его рук вырвать. Другой бы давно ушел куда-то в сторону, если уж ему необходимо что-то срочно прочитать. Хотя бы в тихий бар, расположенный неподалеку. Там работал бесшумный кондиционер, всегда несущий прохладный воздух, а от ветра защищали стены. Но седой человек упорно разворачивал страницы и никуда уходить не собирался.

¹ *Тартасфальт* – асфальт с пластичными резиновыми наполнителями, способными исправлять полученную в жаркую погоду деформацию и не допускать растрескивания. Первоначально начал применяться в США как дорожное покрытие, но впоследствии, из-за дороговизны производства, от тартасфальта отказались, хотя построенные дороги прекрасно служат уже много лет и не требуют ремонта.

В доме напротив пожилой человек в инвалидной коляске сидел у распахнутого окна второго этажа с биноклем у глаз и постоянно отбрасывал рукой трепыхающуюся на ветру штору. Этот человек проводил перед окном своей спальни почти все свои дневные часы, обычно тратя время на то, чтобы хорошенько рассмотреть загорающих на пляже молоденьких девиц в тонких полосках ткани, заменяющих одежду. Но в такой ветреный день и девиц там оказалось не так много, как обычно, и потому инвалид убивал скуку рассматриванием человека в белом костюме. В принципе такая статичная картина не могла, конечно же, привлекать слишком долгое и пристальное внимание. Но у инвалида была привычка всматриваться в лица людей и пытаться по ним представлять их характер, игрой воображения строить динамичные картины. Так, например, рассматривая на пляже девиц в бикини, инвалид представлял, как изменяются их лица в постели. Еще с тех времен, когда он не был прикован к инвалидной коляске, был неплох собой, состоятелен, весел и очень любил менять подружек, инвалид всегда всматривался в их лица во время секса и даже произвел определенную классификацию лиц, связывая выражение с естественным темпераментом, артистичностью, а случалось, что и со стыдливостью.

Классификацию мужских лиц инвалид никогда не проводил, но воображение у него было богатое, и мысленно смоделировать любую ситуацию он был вполне в состоянии. И решил начать с этого тупого читателя на скамейке.

Человек в белом костюме внешне походил, скорее всего, на мексиканца, если бы не некоторые тонкости. Бинокль не позволял рассмотреть как следует взгляд, но этот мужчина, казалось, обладал взглядом властным и высокомерным, что редко встретишь у мексиканцев, даже весьма состоятельных. Впрочем, определить национальность не слишком сложно, гораздо труднее определить профессию или просто интересы человека. Хорошо было бы узнать, что ищет он в газете с таким упрямством. А ищет, определенно, что-то для себя важное, если ветра не замечает вообще. Что может быть более важным, например, для делового человека, чем сводки с бирж? Но они обычно печатаются на одной странице, а этот страницы перелистывал. Значит, искал что-то другое, если вообще искал, потому что, листая газету, вроде бы и не смотрел в развороты. Вот это и казалось наиболее странным. Представлялось другое. Что этот человек держит газету как опознавательный знак. В таком случае вскоре должна была бы произойти встреча, и инвалид надеялся потешить себя похвалой за проницательность. Когда многого в жизни лишен, даже похвала самому себе служит утешением.

Характерный звук мощного двигателя маленького «Порше 911» заставил инвалида на несколько секунд оторвать глаза от бинокля, оставить человека в белом костюме и его газету в покое и посмотреть на другой конец дороги. Звук приближался стремительно. Черная лупоглазая машина неслась на скорости, многократно превышающей допустимую для этой дороги, но тартасфальтовое покрытие словно просило не проехать по нему, а пролететь, и водители не могли отказать себе в этом удовольствии.

Ну, проедет мимо и помчится дальше... Городок уже кончается, а на шоссе дорога не так хороша, чтобы демонстрировать на ней все достоинства двигателя... Инвалид в коляске опять поднял бинокль и увидел, как проезжающий по тротуару велосипедист остановился, опустив одну ногу на дорожку, и что-то спросил у человека в белом костюме. Может быть, подъехал как раз, определив человека по газете? Но тот оторвался от своего невнимательного чтения недовольно, потом глянул в сторону черного «Порше» и сказал велосипедисту что-то резкое, с очевидным раздражением. И даже руками недовольно взмахнул, словно прогоняя того. Это движение непроизвольно освободило многостраничную газету, ветер вырвал ее из рук и...

Опустив бинокль, человек в инвалидной коляске наблюдал происходящее невооруженным глазом. Листы газеты сначала подняло в воздух, потом, переворачивая, понесло вдоль улицы, две страницы зацепились за пальмы, обхватив их чешуйчатый ствол, а остальные вдруг бросило на дорогу навстречу черному «Порше». Газетный лист лег прямо на лобовое стекло

перед водителем, за что-то зацепился, затрепетал – и не пожелал сорваться и полететь дальше. Дорога как раз слегка поворачивала, но водителю не было видно поворот, а скорость была слишком высока, чтобы успеть среагировать на изменение обстановки и затормозить. Машина выехала сначала на встречную пустую полосу, потом ударилась передним свесом о бордюр, перескочила через него и пролетела дальше, в сторону тротуара, как ракета. Человек в белом костюме успел только встать, но времени на то, чтобы отскочить, у него не было. «Порше» принял его на свой капот, затем ударил в заднее колесо велосипед, только чудом не зацепив самого велосипедиста, и припечатал человека в белом костюме к толстому стволу пальмы, который затрещал, качнулся и уронил тяжелую широколистую верхушку на машину. А водитель «Порше», видимо, не пристегнутый ремнем безопасности, вылетел сквозь лобовое стекло и врезался в остатки ствола пальмы головой и грудью...

* * *

– Не пора еще, эмир?

В тишине казалось, что голос, даже умышленно приглушенный, все равно звучит громко. Но это, как все знали, с непривычки. Вернее, потому, что отвыкли от такой обстановки.

– Пожалуй, дождемся темноты... – как-то неуверенно для самого себя сказал Актемар.

Он тоже давно отвык командовать и моментально принимать точные и выверенные решения, хотя раньше и говорил совершенно иначе, более твердо, и никто в его словах усомниться не мог. И возразить не смел.

Сейчас смели, и тоже потому, что отвыкли от повиновения за двенадцать долгих лет.

– А что ждать... Как раз в темноте к месту подойдем...

– Кто-то увидеть может. Сейчас времена другие, даже у детей мобильники, кругом вышек наставили... А половина села на базе работает. Один звонок, и выйдем как раз на пулеметы... Лучше подождать... Недолго осталось...

Ждать осталось в самом деле недолго. Темнота в Чечне приходит быстро даже в равнинных районах, не говоря уже о горных и предгорных, где промежуток, обычно называемый сумерками, порой вообще отсутствует. Это потому, что на западе тоже горы и закатное солнце каждый вечер за них, не цепляясь расплавленными боками за хребты, плавно ныряет. И сразу наступает темнота...

Они сидели в сильно прореженной для какой-то непонятной цели «зеленке» в стороне от села, даже по другую сторону дороги, но Актемар не желал рисковать понапрасну. Он всегда отличался отменным хладнокровием. И вообще, не для того он снова взялся за оружие, чтобы какая-то нелепая случайность сгубила все дело. А сейчас, помимо случайности, следовало считаться с тем, что и обстановка в Чечне уже совсем другая. И выступает он сейчас не против пришлых федералов, когда можно было полагаться на поддержку населения почти безоглядно. Осторожность следовало соблюдать предельную. Начальную часть пути – около трех километров – им предстояло идти по открытому склону, и из многих окон домов их вполне можно было рассмотреть. Расстояние, конечно, не самое близкое, и не каждый сможет понять, кто и куда направляется, но у кого-то может и бинокль дома оказаться. А если в бинокль посмотреть, то сразу можно понять, что это не «кадыровцы» и не федералы идут. А всем другим здесь делать совершенно нечего. Кроме, естественно, самого Актемара и его джамаата. У него дела есть. И спешные... Но об этом пока еще никто не знает. Силы у него не большие, но и с малыми силами можно большие дела делать, если сумеешь точно просчитать ситуацию и правильно применить воинские таланты.

Чтобы хорошо, в полном соответствии с задачей, вооружить ту часть своего джамаата, которую удалось собрать – восемь проверенных в разных ситуациях бойцов, – Актемару Дошлукаеву пришлось опорожнить один из трех своих схронов, которые он не открыл феде-

ралам, когда сам сдавался вместе со всем джамаатом в полном составе. Тогда заранее договорились во избежание ошибки на допросах, что один схрон они сдадут, и все знали какой – со стрелковым оружием, небольшим запасом патронов и большим запасом тринитротолуола, которым в джамаате вообще пользовались редко, поскольку не имели хорошего минера, а выставлять плохие мины, с точки зрения Актемара, смысла не было. Одинаковая угроза – взорваться самому при установке или подорвать противника... При таком раскладе сил проще было стрелковым оружием обходиться и минометами. Один миномет пришлось, правда, тоже сдать. И даже пару гранатометов «РПГ-7», а вместе с ними и шесть одноразовых гранатометов «Муха». Но это – по необходимости, потому как федералы знали, что у Актемара Дошлукаева есть возможность вести минометный обстрел. Но, естественно, сдача пары мощных «РПГ-7» не состоялась бы, не имей эмир в запасе еще несколько единиц аналогичных, но более удобных гранатометов «РПГ-7Д»² и боезапас к ним. Боезапас хороший. Российская оборонная промышленность по великой своей глупости выпускает к «РПГ-7», как знал эмир, только противотанковые бронебойные гранаты, а джамаат имел осколочные заряды арабского и китайского производства. Федеральные войска тоже такими зарядами пользуются, но, как правило, только теми, что захватят в схронах. Министерство обороны из-за границы такие не покупает. Естественно, все осколочные заряды к «РПГ-7» часто, а в подавляющем большинстве случаев более необходимые, чем бронебойные, Актемар Дошлукаев предпочел не отдавать федералам при сдаче джамаата. Как и два имеющихся в наличии ночных прицела к гранатомету и снайперскую винтовку, тоже оснащенную ночным прицелом. Эмир всегда отличался прозорливостью. Не оплошал, как оказалось, и в этот раз. Он словно бы еще тогда, двенадцать лет назад, знал, что оружие может пригодиться. Правда, из трех оставленных на консервации схронов один оказался частично разграбленным. Понятное дело, что не федералами, которые ничего там не оставили бы для самого эмира. Вариантов разграбления было только два. Согласно первому местные жители забрали что-то себе «на всякий случай». Такое случается... Согласно второму, наиболее вероятному, кто-то из шестерых членов джамаата, которых найти не удалось, воспользовался оружием.

Конечно, Актемар не сильно возражал, что кто-то пожелал воспользоваться общим оружием, хотя справедливо считал, что следовало бы спросить разрешения у него. Но ситуации могут быть всякими. Могло его не оказаться на месте, или у бойцов не было возможности его искать. Однако оставшегося оружия хватило на всех, и кое-что даже про запас осталось, на будущее. На неизвестное будущее... Главное, что схрон, которым воспользовались, снова прикрыли и замаскировали...

* * *

Темноты дождались...

И сразу пошли, резко включились в темп, хотя и это, как показалось Актемару, далось некоторым с трудом – обросли жирком за годы мирной жизни.

Идти пришлось без карты, хотя карта района в наличии была, но на ней не было современных обозначений, не было необходимого, интересующего Актемара объекта. Однако Абуязид, один из бойцов джамаата, сам родом из этих мест, уверял, что проведет всех с закрытыми глазами. Он и повел. Следом за Абуязидом, заступая по сторонам, двинулись два пулеметчика. Это на случай непредвиденной встречи, потому что никто не знал, где выставлены охранные посты вокруг учебной базы «кадыровцев», и даже не знали, ходят ли те вообще по внешнему периметру. Местность вокруг базы ровная, открытая. Наблюдателю, чтобы составить график

² У гранатомета «РПГ-7» труба и патрубок соединены жестко, а у «РПГ-7Д» соединение производится с помощью сухарной защелки, что позволяет разбирать громоздкий гранатомет для переноски.

передвижения постов, устроиться было негде. А если бы и устроился, то слишком велика возможность быть обнаруженным. Небольшая рощица, окруженная зарослями, находится в низинке и не дает возможности обзора, хотя в предстоящих действиях именно этой рощице отводилась важная роль. Однако, чтобы она свою роль сыграла, ее следовало предварительно найти в темноте. Незнание расположения постов – большой минус в деле. Однако приходилось мириться с обстоятельствами. Любой другой поиск вызывал опасения «засветки». А Актемар планировал действовать внезапно. Пусть и без соответствующей подготовки, но внезапно. Он бывал уже на этой базе совсем недавно, примерный план действий составил. Но – только примерный, хотя был уверен, что этот план обязательно сработает. А мелочи и всякие непредвиденные моменты можно будет решить по ходу дела, экспромтом.

Учебная база «кадыровцев», куда вместе с казармами входили и ученые корпуса, и специализированные спортивные площадки, и тренажеры, и все службы обеспечения, представляла собой большой, не совсем ровный квадрат, огороженный бетонным сборным забором. Таким, каким обычно огораживают строительные площадки. Звенья забора в бетонные же стаканы устанавливают, но снизу остается открытое пространство, которое закрывают разным подручным материалом. В данном случае просто насыпали землю, которую легко разбросать обыкновенной саперной лопаткой, но с предельной осторожностью, потому что под насыпным земляным валом может располагаться какая-то примитивная система сигнализации. Двумя лопатками, потому что туда, за забор, должны идти только двое: сам Актемар Дошлукаев и разведчик джамаата Исрапил, умеющий перемещаться, как тень – незаметно и неслышно для противника. Именно за это качество Актемар и взял с собой Исрапила, хотя знал, что тот порой терялся в острой ситуации, мог выстрелить раньше времени или, наоборот, опоздать с выстрелом. Хладнокровия и расчета парню не хватало, хотя Исрапил из парня давно превратился в зрелого мужчину и, возможно, хладнокровие приобрел вместе с годами. Это было бы хорошо, однако, так ли это в действительности, покажет только конкретное дело. Но, в любом случае, для данной операции Исрапил подходил, как никто другой, потому что здесь необходимо было работать скрытно. И, если что, прикрыть эмира. Все остальные бойцы джамаата выполняли при этом только вспомогательные функции. Но брали на себя самое опасное дело – вся мощь ответного удара должна будет обрушиться на них.

* * *

Абуязид не подвел и вывел точно к той самой рощице, которой отводилась такая большая роль. Не зря эмир надеялся на своего бойца. Впрочем, он заранее знал, что, если молчаливый Абуязид что-то обещает, он знает, что говорит. В темноте окружающие рощицу кусты смотрелись опасными призраками. Здесь уже первым пустили Исрапила, хорошо умеющего чувствовать мины. Разведчик прошел прилегающие к рощице кусты и вернулся к джамаату.

– Чисто, эмир, как вы и предполагали...

Актемар предполагал, что время сейчас совсем не то и объект их интереса совсем не тот, чтобы минировать лежащую за территорией базы рощицу, в которую вполне могут зайти местные жители. Или просто скот пригнать. Так и оказалось...

– Готовимся. Выставить минометы. Прицел брать по прожекторам... Снайпер корректирует после первых выстрелов...

Минометчики вместе с помощниками быстро установили свои тяжеловесные орудия. Минометов взяли с собой два и планировали бросить их здесь при отходе, потому что с минометами на плечах уйти от преследования будет трудно, а преследование будет обязательно, хотя, как обычно бывает, в первые моменты плохо организованное. Тем более что штатных помощников минометчиков Актемар снял с их обычной работы, доверив им гранатометы для поддержания мощности обстрела и отсечения тех подразделений «кадыровцев», что первыми

попытаются вступить к контактный бой. Естественно, те поедут на грузовике в сопровождении боевой машины пехоты. Так обычно делалось и делается. Но их следует встречать не на подходе к рожице с минометами, а прямо за воротами базы, при выезде на дорогу. Лучше даже прямо в воротах, чтобы на какое-то время застопорить выдвижение других подразделений. И помощникам минометчиков Дошлукаев доверил самый ответственный участок – у ворот, вооружив их гранатометами с ночными прицелами. Еще двоих бойцов выставил по углам у имеющихся там калиток. Оттуда тоже обязательно будут выходить группы, которые хорошо бы накрыть гранатами и запереть за забором. И не выпускать, перекрывая проходы пулеметными очередями. Пусть штаны и руки рвут, перелезая через забор, «украшенный» колючей проволокой. Остался еще снайпер Эльджарка, и его эмир поставил на единственную в округе высотку, откуда и часть базы «кадыровцев» видно, и обе калитки в заборе, хотя не видно ворот. Но ворота «отработают» гранатометы и помогут им, если понадобится, автоматы. А Эльджарке предоставлялось право «вольной охоты». Благо ночной прицел «Винтореза» позволяет такую охоту проводить удачно.

* * *

– Исрапил, готов?

Исрапил молча встал.

– «Переговорки» проверили... – Это прозвучало уже почти как в старые времена. Похоже, приближение начала боевой операции возвращало Актемару Дошлукаеву былую уверенность в себе и в своих людях.

Команда относилась ко всем, и все бойцы джамаата, помня еще, что Актемар не любит повторять команду, один за другим включили новенькие, недавно только проверенные переговорные устройства.

– Я – Первый... – сказал эмир в микрофон.

– Второй... – отозвался Исрапил.

– Третий... – следом произнес Абуязид.

И так подали голос все восемь бойцов, одновременно слушая друг друга, чтобы не произошло сбоя при приеме. Последним, с позывным «Девятый», представился снайпер Эльджарка.

– Повторяю. Перед проникновением на базу я связь выключаю. Исрапил – тоже. Если будет необходимость в принятии решения, обращаться к Эльджарке. Гранатометчики, звук перед выходом – на минимальную мощность. Только чтобы самим слышать с легким напряжением.

Пауза была выдержана, чтобы услышать возможные вопросы. Вопросы, кстати, были полностью проработаны перед выходом на операцию. Тем не менее Актемар приготовился объяснить, если кому-то что-то непонятно. Но вопросов не прозвучало.

– Расчет времени все помнят?

Последовали молчаливые кивки.

– Исрапил, за мной...

Актемар с Исрапилем гранатометы имели только подствольные, но им, идущим туда, где работать придется, скорее всего, в контакте, и не нужно было тяжелое вооружение. Хотя самодельные пояса с минами для минометов и такие же самодельные подсумки с зарядами для гранатометов они несли наравне со всеми. Но теперь и от этого груза освободились и оставили при себе только спаренные запасные рожки для автомата и подсумки с гранатами для «подствольника».

Налегке идти было значительно легче; эмир и разведчик быстро выбрались на прикрывающую рожицу высотку, поросшую кустами чуть выше пояса. Отсюда сразу открылся вид

на базу «кадыровцев», освещаемую внутри периметра слабосильными старенькими прожекторами, закрепленными жестко и не дающими возможности «плавающего» ощупывания лучом всей территории и каждого ее закутка. На жесткие крепления мачт с прожекторами Актемар обратил внимание еще в первый свой визит сюда. И сразу отметил, несмотря на то что базу посещал днем, когда прожектора были выключены, наличие и местонахождение «мертвых зон», где никак не попадешь под луч прожектора.

* * *

Конечно, общая обстановка в республике, хотя спокойной ее назвать было трудно, все же на умы и настроения людей влияла. И уж кто-кто, а «кадыровцы» никак не ожидали атаки на себя. Они привыкли, что их ненавидят и боятся, и считали себя недоступными для критики. Тем более «критики», не словами высказанной, а автоматными очередями, взрывами мин и гранатометным обстрелом. Да, по большому счету, Актемару и дела не было до этих «кадыровцев». Его интересовала только лаборатория, расположенная прямо на этой базе, а вся операция с обстрелом казарм, складов и учебных площадок нужна была только для создания общей паники и той ситуации, которую обычно называют «отводом глаз».

«Мертвую зону», не попадающую под свет трех ближайших прожекторов, эмир Дошлукаев определил правильно. Они с Исрапилем вышли точно туда, куда выйти следовало, и сразу принялись за работу. Правда, малая саперная лопатка от обычной рабочей лопаты отличается так же, как перочинный ножичек от большого боевого ножа; тем не менее навыки общения с таким инструментом, приобретенные за несколько лет партизанской войны, имели оба. И работа пошла ходко, несмотря на то что земля была утрамбована и весь вал состоял из камней, сверху присыпанных землей. Земля поддавалась лопаткам, а камни выворачивали руками. Но им и не нужен был большой лаз – только бы протиснуться по одному.

Сделали и протиснулись. Остальное было просто. Исрапил, как опытный разведчик, двинулся первым. Актемар пошел следом, во всем повторяя технику хождения разведчика. И только дважды подсказал шепотом, когда требовалось повернуть в сторону. Через пять минут они оказались рядом с корпусом медсанчасти...

* * *

Под лабораторию было отведено правое крыло первого этажа медсанчасти. И в отличие от других частей здания все окна лаборатории были забраны решетками, сваренными из толстой стальной арматуры, а входная дверь в крыло была тяжелой сейфовой, которую даже гранатометом не вышибешь. Актемар знал, что доктор Лукман Мажитов не только служит здесь, он еще и живет прямо в помещении своей лаборатории, поставив раскладушку и электрическую плитку в соседней с кабинетом комнатушке. Но чтобы повидаться с Лукманом, следовало в лабораторию попасть. А он всегда сможет нажать «тревожную кнопку» и вызвать наряд охраны, которому понадобится не более пары минут, чтобы прибыть на место. Кроме того, вместе с Лукманом в лаборатории постоянно находятся дежурный офицер и дежурный врач, которые тоже умеют держать в руках оружие. Таким образом, и решетки на окнах выламывать бесполезно, сразу угодишь под автоматные очереди. А поговорить с доктором Мажитовым, что называется, по душам необходимость была острая...

В этом случае помочь могла только небольшая боевая операция, которая заставила бы Лукмана Мажитова самого открыть двери. Хотя бы для того, чтобы разобраться в происходящем. И тогда настанет момент действия для Актемара.

Актемар Дошлукаев, как, впрочем, и все люди, не любил, когда его обманывают. Он сам был человеком чести и стремился всегда держать слово, если уж дал его. Полковник медицин-

ской службы профессор Мажитов дал слово Актемару. И обманул его. Этого эмир Дошлукаев простить не хотел. Но все было бы еще ничего, если бы при этом не пролилась кровь. А она уже требовала кровной мести.

Как человек грамотный, Актемар понимал, что Лукман – только пешка, а решалось все на уровне, значительно превышающем полномочия профессора. Тем не менее переговоры шли именно с доктором Мажитовым, и слово давал именно он. И за свое слово придется отвечать.

* * *

– Я – Первый! Всем внимание! Начали... – прижав переговорное устройство к губам, негромко сказал Актемар.

Он знал, что минометчики уже поднялись на высотку, через которую им предстояло стрелять навесом, присмотрелись и скорректировали прицел минометов. Снайпер уже занял позицию, но пока еще не снял чехол с прицела винтовки, а пользуется биноклем и ждет, желая увидеть, куда лягут первые две мины, чтобы передать коррективы минометчикам. И потому эмир не сразу отключил переговорное устройство, а вслушивался в эфирный треск. Волчьих голоса летящих мин приближались быстро, и вскоре один за другим раздались два взрыва. И эфир среагировал почти сразу.

– Я – Девятый, – сказал снайпер Эльджарка. – Вы что, ладонью их кладете? Меня без работы оставите... Первое попадание в здание склада – развалили угол, второе – перед входом в казарму. Второй можете взять на миллиметры левее. Первый, продолжай. Им понравится... Лепите от всей души...

Актемар знал, что миномет не может повторить одно попадание дважды, слишком велика отдача при выстреле, ствол подпрыгивает и прицел сбивается, поэтому о сдвиге прицела на миллиметры, как говорил снайпер, речи идти не могло. Эльджарка, как всегда, не мог обойтись без многословной болтовни. Еще когда-то давно, когда эмир сделал ему замечание, тот ответил, что если не будет болтать, начнет волноваться. Больше Актемар замечаний не делал, поскольку прекрасно понимал, как трудно человеку привыкнуть к обстановке постоянного риска и подавить в себе естественные чувства, вызванные инстинктом самосохранения.

Мины начали ложиться одна за другой. Где-то в стороне казарм «кадыровцев» завывала, но сразу заглохла сирена тревоги. То ли ее выключили сами «кадыровцы», потому что звук сирены походил на звук летящей мины, то ли прилетевшая мина выключила. Со стороны складов начало подниматься зарево, потом раздался большой взрыв. Должно быть, мины накрыли склад ГСМ.³ Если бы накрыли склад боеприпасов, взрыв был бы намного сильнее. Но в джамаате не знали, где находится склад ГСМ, где продовольственный склад, где склад боеприпасов. И потому стреляли наугад.

Актемар с Исрапилом спрятались в кустах неподалеку от входа в здание медсанчасти. Исрапил даже достал из-за пазухи два куска маскировочной сетки, чтобы можно было накрыть голову. Смотреть сетка не мешала, но маскировала хорошо, особенно в темноте. Им обоим хорошо было видно, как вдалеке, по другую сторону то ли плаца, то ли стадиона, бегали и сустились люди. Потом куда-то проехал грузовик с горящим тентом. Похоже, случайная мина, попавшая в склад ГСМ, натворила бед. Зарево разрасталось.

Кто-то открыл окно на втором этаже медсанчасти, смотрел. Однако было необходимо, чтобы открыли не окно и не на втором этаже, а дверь на первом и чтобы вышел профессор Лукман Мажитов. Тогда можно было бы «работать». Но профессор не выходил.

Боевая машина пехоты и тентированный грузовик с «кадыровцами» выехали не сразу. Разучились воевать, долго собираются, отметил про себя Актемар. Но грузовик все же выехал.

³ ГСМ – горюче-смазочные материалы.

По логике, следовало вперед БМП пропустить. Однако на повороте перед воротами грузовик боевую машину лихо обогнал, что называется, на вираже. Ворота были уже распахнуты. Грузовик выскочил за них, покачивая светом фар, и тут же получил в кабину гранату. По инерции машина еще слегка продвинулась, потом свалилась набок, и у БМП была возможность проскочить и начать атаку, но она резко притормозила и выехать не решилась. В самом деле, «кадыровцы» же не знали, какие силы сконцентрированы против ворот. Да никто и не видел, кажется, с какого места велся обстрел. Но БМП, таким образом, уцелела.

Актемару с Исапилом были видны только ворота с внутренней стороны. Да и то половину обзора закрывала боевая машина пехоты. Но тут же последовал второй выстрел. Теперь стреляли осколочной гранатой по тенту грузовика. «Кадыровцы» уже выскочили из кузова, но рассредоточиться не успели, и осколки гранаты плотно накрыли их. За вторым выстрелом последовал третий, тоже осколочной гранатой. Шло уничтожение живой силы, и делалось это по всем правилам военного искусства.

Рассматривать дальше, как идет бой у ворот, возможности не было, потому что дверь медсанчасти наконец-то распахнулась. Вышли пятеро. Двое из них были в белых халатах, двое – в обычных рубашках, третий – в незастегнутом мундире. Актемар пальцем показал на Мажитова, чтобы Исапил не спутал. Ждать дальше смысла не было.

Две короткие очереди раздались одновременно... Следом за ними еще две...

* * *

– Я ведь пришел к тебе, как к честному человеку, которого знал больше двадцати лет. У меня не было повода усомниться в тебе. Я мог к другим пойти, но обратился именно к тебе. И ты так поступил... – Актемар ходил по кабинету Мажитова от стены к стене.

Профессор сидел перед ним на стуле, но Актемар даже связывать его не стал. Он был слишком сильным человеком, чтобы бояться сопротивления. При любом раскладе сил даже безоружный эмир Дошлукаев справился бы с Лукманом. А сейчас он был вооружен.

– Я не в курсе того, что произошло, Актемар...

Профессор говорил тихо, но спокойствия в его голосе не чувствовалось. А спокойствие всегда соседствует с уверенностью в своей правоте. И хотя правота, как говорят, у всех бывает разная, в данном случае переубедить Актемара было невозможно. Он доверился профессору, и его не касается, кому доверился сам профессор. У того был выбор, и Актемар предупреждал, что дело опасное, и Индарби просил его, Актемара, обеспечить безопасность с чеченской стороны. Тогда профессор утверждал, что никаких проблем не возникнет. И пусть финансирование его лаборатории не слишком хорошее, оно все же осуществляется не по остаточному принципу. И если в Министерстве внутренних дел, которое является заказчиком темы, не согласятся на выделение средств, Лукман готов на свой страх и риск оплатить услуги из бюджета лаборатории. Но для этого ему следовало сначала посмотреть материалы и только потом сказать свое слово. Актемар тогда же предоставил материалы, за исключением трех самых важных страниц, как и предупреждал его двоюродный брат Индарби Дошлукаев. Последние страницы должны быть переданы после расчета по устному договору.

Сначала Мажитов согласился на такие условия. Еще бы не согласиться, если предлагаются материалы готовой разработки по теме, над которой Лукман бьется уже несколько лет. Но уже через неделю он позвонил Актемару и сказал, что ему необходимы недостающие страницы, главные страницы. Под честное слово. Без этих страниц в министерстве не желают выделять средства.

Честное слово Актемар всегда считал более ценным свидетельством, чем письменный договор, скрепленный с двух сторон подписями и печатями. Договора подписывают почему? Потому, что не верят друг другу на слово. А если не верят, то стараются хотя бы в мелочах

обмануть. Он даже риском не посчитал свои действия и недостающие страницы передал. Привез их Лукману лично, прямо сюда, в лабораторию.

А потом стало тянуться время... Мажитов отговаривался тем, что не так просто найти требуемую сумму наличными в бюджете. Еще сложнее переправить деньги в Соединенные Штаты, не задекларировав их, хотя Актемару казалось, что сделать это проще простого – положить сумму на счет, обеспечивающий дееспособность пластиковой карточки, которую передать Индарби, как тот и просил. А потом пришло сообщение о гибели Индарби. Конечно, и в США люди, случается, попадают под машины. Но когда это случается во время решения финансового вопроса с чеченским министерством и этнического чеченца, хотя и гражданина Соединенных Штатов, Индарби Дошлукаева сбивает машина, которой управляет другой этнический чеченец, пусть и проживающий в США всего лишь по «зеленой карте», а на следующий день кто-то убирает свидетеля, то есть, водителя машины, самого в аварии пострадавшего, след просматривается явственный. Хорошо зная своих соотечественников, Актемар сразу предположил, что деньги были переведены на пластиковую карточку. Только кто-то, имеющий к этому отношение, не пожелал никому отдавать карточку, на которой лежит четверть миллиона долларов. Жалко людям бывает с такими карточками расставаться.

* * *

– Меня совершенно не волнует, в курсе ты или нет, – сказал Актемар. – В каком состоянии дело сейчас? Начались работы?

– Нет. Пока я сам изучаю документы. Небольшие опыты ставлю... По плану мы получим финансирование проекта в четвертом квартале этого года. Тогда над ним будет работать вся лаборатория.

– Не будет, – категорично заявил Актемар.

– То есть?..

– Я забираю документы. Оплата произведена не была. Индарби убит. Эти документы тебе не принадлежат. Я пришел забрать их...

– Это невозможно... – Лукман попытался жалко улыбнуться. – Вопрос решался на уровне администрации президента республики и находится на контроле администрации...

– Ты думаешь, я этого не знаю? Если бы я не знал, то пришел бы к тебе один и без оружия. А я привел свой джамаат, я обстрелял и поджег базу «кадыровцев», положил здесь несколько десятков людей... Только ради того, чтобы услышать твое «невозможно»? А как же твое честное слово?

Лукман молча покачал головой.

– Документы в сейфе?

– Да...

– Ключи! – потребовал Актемар.

Мажитов положил было руку на карман брюк, но тут же отдернул ее.

– Я не могу...

Эмир протянул ладонь. Жест был категоричным и властным, не оставляющим возможности договориться. И профессор истерично подчинился: вытащил ключи и сунул в протянутую ладонь, которая тут же сжалась.

– А теперь скажи мне, кто в министерстве занимался этим вопросом... – Спрашивая, Актемар уже поворачивал ключ в замке сейфа. Но лязганье ключа не помешало ему услышать, как за его спиной передергивается затвор пистолета. Автомат был в свободной руке. Актемар сделал шаг в сторону, сунул ствол автомата под мышку и дал короткую очередь на секунду раньше, чем успел выстрелить профессор. Потом оглянулся, посмотрел. Нет, стрелять он за двенадцать лет вынужденного простоя не разучился. Осталось только забрать бумаги, и пора

было уходить. Но документов была целая полка, и все в одинаковых папках, похожие друг на друга.

Актемар недолго стоял в нерешительности. Выбил прикладом автомата окно и позвал Исрапила, у которого был рюкзак. Исрапил прибежал быстро. Рюкзак забили под завязку, уронив при загрузке из папок пару компакт-дисков. Второпях их даже поднимать не стали.

– Уходим... – дал команду Актемар и включил свою «переговорку»: – Я – Первый... Спасибо за работу. Уходим...

Но сам он ушел не сразу. Заглянул в лабораторию, расположенную здесь же. Вообще-то Актемар знал, что у этой лаборатории есть несколько корпусов, но здесь располагался самый маленький и самый главный, где велись исследования и разработки. В большом лабораторном помещении, занимающем остальную часть крыла здания, помещались столы для каких-то работ, посуда с реактивами и химикатами. А у стены под лампами дневного света стоял большой аквариум, в котором плавали рыбки величиной с ладонь. Рыбки были явно не аквариумные. Но рассматривать их времени не было. Эмир вытащил из кармана фляжку и, смочив бензином найденную здесь же тряпку, бросил ее на деревянный пол и чиркнул спичкой...

Часть I

Глава первая

– Какие противные голоса у дятлов... Лучше бы долбили себе, не переставая, и долбили, лишь бы не кричали... – сказал немолодой крупный седой мужчина, вышагивая по тропинке через поле, уже нежно-зеленое, но с травой, по весне еще не набравшей рост.

– Это точно, товарищ полковник, – произнося слова негромким спокойным голосом, согласился идущий рядом молодой человек в камуфлированной одежде, но без погон, хотя упругий шаг и выправка выдавали в нем человека военного. – Истерично уж очень кричит... Истерика – это дело не наше, не мужское...

Пронзительный голос большого зеленого дятла доносился с опушки недалекого леса. Тропинка, по которой шли эти двое, огибала по кругу поле и вела, легко извиваясь, вдоль опушки этого леса. Полковник шел, держа руки за спиной, а в руках держал косичкой сплетенный из кожи гибкий собачий поводок. Сама собака, большущий черный ньюфаундленд, бежала впереди и чуть в стороне, беспечно помахивая шикарным лохматым хвостом, выискивая что-то среди травы и лишь изредка задирая нос по ветру, чтобы быть в курсе окрестных новостей.

– И как вам, товарищ полковник, здесь живетесь? Не устали от тишины?

– От тишины устать невозможно. Можно только без тишины устать... К сожалению, понял я это поздно, но это лучше, чем никогда...

Несмотря на мягкость тона, полковник говорил категоричными фразами. Видно было, что он привык к тому, чтобы каждая его фраза считалась весомой и не подлежащей обсуждению. Ну еще бы не привыкнуть, если жизнь свою отдал армии.

– А я всегда на юге отдыхаю. Море, пальмы...

– Нет, мне наша средняя полоса милее. На экзотику я в жизни насмотрелся – в девяти странах воевал, любопытство удовлетворил, и хватит. Только я здесь, капитан, как ты чуть раньше уже правильно заметил, не отдыхаю, а живу, и мне здесь жить нравится. Возраст уже, наверное, покоя требует. И я здесь, вдали от людской суеты, среди народа простого и неспешного, просто живу и радуюсь жизни. Потому не обижайся, что твой приезд меня не сильно обрадовал. Если приехал, значит, опять меня в суету вернуть хочешь, и мне это не слишком по душе...

– Виноват, товарищ полковник, – привычно по-армейски ответил капитан. – Обещаю вас долго не изводить, но на помощь все-таки надеюсь.

– Ага... Никуда не поеду, – сказал полковник. – У меня огородные дела начинаются. Они мне по душе, и менять их ни на что не собираюсь. И собаку не на кого оставить...

– Мне водолазы всегда нравились...

– Это не водолаз, это настоящий ньюфаундленд. Водолаз – это нечто другое. Это наши отечественные горе-кинологи пытались что-то сотворить, скрещивая ньюфаундленда, кавказскую овчарку, ризеншнауцера и еще, кажется, кого-то... Короче говоря, породу уродовали. И ничего не добились. А благородный и добрый ньюфаундленд так самим собой и остался... Так куда ты меня зовешь? И на хрена?

– Я не за тем, товарищ полковник. Я за консультацией по поводу одного вашего старого знакомого. Необходимо с ним на контакт выйти, и хотелось бы с вами посоветоваться. Покажу кое-какие бумаги. Они у меня в машине...

– Ага... Дело другое. Утешил, – согласился полковник. – Еще два с половиной круга...

– Выверенная дистанция? – Капитан взглядом окинул поле, прикидывая километры.

– Собака привыкла. Меньше нельзя, толстеть будет, а такому большому толстеть нельзя. Есть нехорошая болезнь у больших собак. Дисплазия называется. Большой вес суставы уродует. Вот мы, хотя больше страдаем отменным аппетитом, чем его отсутствием, толстеть себе не позволяем. Я ему, а он мне...

– Как его зовут, извините, запомнил?

– Ньюфистофель... Маленький чертенком был, потому так и назвали... Сейчас бы так не назвал, конечно.

– Почему, товарищ полковник? Забавная кличка...

– Ага... Забавная... Только сейчас я стараюсь от любой чертовщины подальше держаться и в церковь, понимаешь, хожу регулярно, на каждую службу... Проникся. Верить начинаю. Верить, знаешь ли, по-настоящему очень трудно. Я пытаюсь... Но не менять же собаке имя, к которому она привыкла.

– Я вообще-то, товарищ полковник, тоже в церковь хожу... – хотел продолжить тему капитан.

Но полковник прервал его:

– Это все индивидуально, у каждого по-своему. Ладно... Так что у тебя за проблемы? В общих чертах. Чья личность требует подхода?

– Бывший полевой командир...

– Имя?

– Актемар Дошлукаев.

– Ага... Актемар Баштарович... Теперь понятно, почему именно ко мне... Этого хорошо помню. Прибавим шага, чтоб собака не застоялась... А что с Актемаром Баштаровичем случилось? Он уже, помнится, лет двенадцать назад, если мне память не изменяет, сложил оружие и сдался властям вместе со своими людьми. Его очень уважали в джамаате, и все, кажется, пошли за ним...

– Он сдался с вашей помощью, товарищ полковник, под ваше честное слово, потому что тоже очень вас уважал и как противника, и как человека, и именно поэтому я теперь к вам приехал. А сейчас Актемар снова взял в руки оружие и собрал своих людей...

– Неприятные новости. Но этому должна быть весьма серьезная причина, поскольку сам Актемар человек серьезный. Он уже что-то натворил?

– Много чего натворил, к сожалению. Несколько десятков трупов в первую же акцию. Потом еще четыре. И не просто трупов... Можно сказать, совершал публичные расстрелы влиятельных людей, близких к нынешней чеченской власти, и высоких ментовских чиновников республики.

– Тебе за эту власть обидно? – Словно бы удивляясь сказанному, полковник вопросительно поднял брови.

– Не очень. Здесь бы я, возможно, не проявил такой заинтересованности и дал бы им всем возможность друг друга поубивать. России легче жить будет. Но есть некоторые обстоятельства, касающиеся государственных интересов. Актемар Дошлукаев является носителем интересной для нас информации. Ценной информации государственного значения.

– Ладно, если ихняя местная власть тебя не интересуется, то, возможно, и договоримся. По крайней мере, обсудим ситуацию. Актемар Баштарович очень порядочный человек. И просто так оружие в руки он не возьмет. Должны быть причины. Значит, и его достала эта власть...

– Мы подозреваем, что причины есть, и они нам, кажется, известны...

* * *

Пока отставной полковник Семиверстов прочесывал своего ньюфаундленда специальной, похожей на маленькие грабли расческой, тщательно выискивая клещей, которым легко

можно спрятаться в длинной и густой шерсти такой собаки, капитан Шингаров открыл машину и вытащил оттуда старенький потертый портфель с документами, которые привез с собой, и пересмотрел, соображая, с чего начать и как вести разговор. Затем сел, терпеливо дожидаясь, когда полковник закончит работу, поскольку тот уже объяснил, что после каждой прогулки, то есть трижды в день, приходится чесать собаку. Не затем даже, что она линяет, а еще и потому, что клещей в этом году развелось видимо-невидимо, и даже испытанные препараты не помогают, и почти каждый день одного-двух клещей с Ньюфистофеля приходится снимать.

Обработка собаки заняла не больше пятнадцати минут.

– Ага... Пойдем, капитан, в дом, что ли...

Рубленный из толстых бревен дом полковника был небольшим, хотя добротным, прочным и по-русски основательным. Но по-армейски скромно, аскетично обставленным. Капитан Шингаров помнил, что вскоре после выхода на пенсию у его бывшего командира полковника Семиверстова умерла жена, и он, оставив городскую квартиру на попечение взрослого женатого сына, купил себе маленький домик в почти заброшенной деревне со странным названием Подхвостье, окруженной дикими лесами и много лет не паханными, заросшими полями, где и поселился в одиночестве. Если в городскую квартиру к полковнику порой еще заглядывали бывшие сослуживцы – посоветоваться или просто поговорить по душам о жите-бытье, – то сюда, в Подхвостье, далекое от проезжих дорог, не наведывался пока никто, и Шингаров оказался первым, кто забрался в эти дебри. Приехав в середине дня, капитан застал бывшего командира как раз у дворовой калитки, собирающимся на прогулку с собакой, был встречен без суеты, словно приезд был заранее обусловлен, загнал свою машину в полковничий двор и стал третьим в прогулочной компании.

Стульев в доме не было, зато имелись такие же основательные, как сам дом, и устойчивые скамьи, собранные из толстых досок, – чисто русская мебель, о которой в городах давно и напрасно забыли, поменяв их на ломкую и ненадежную.

– Водки не предлагаю, поскольку сам употребляю только для приготовления растирок, чтобы старые раны успокоить. Ага... Побаливают раны-то, побаливают. Семь осколков в теле плавают... Местную самогонку, хотя водки она и покрепче будет, из-за запаха, понимаешь, на дух не переношу, следовательно, в доме не держу. Не обессудь, капитан... А вот чайком могу угостить. Разным на выбор и, естественно, без ароматизаторов. Если позволишь, я только Melissa добавлю. Чистенькая, свеженькая, только сегодня из огорода. Хотя, если ты человек сонный, она тебя еще больше усыпит.

– С удовольствием, товарищ полковник, удовлетворюсь чаем, – согласился капитан Шингаров. – Если можно, зеленый... Я в последнее время к зеленому пристрастился. Но лучше без Melissa, потому что я сегодня планирую уехать, а езжу я обычно быстро. После Melissa ездить быстро, я слышал, опасно...

– Ага. Опасно. Храпеть начнешь слишком громко. Могу и просто зеленый. Вкусы у нас с тобой сходятся. Зеленый и заварю. Китайский. Не возражаешь? Китайский чай – это не китайские футболки с рынка и не тапочки, в которых с базара до дома не дойдешь. Это пока еще неплохо... Японский, конечно, несравненно лучше. Почитай на порядок... Но японский у меня кончился, а когда еще в Москву за чаем вырвусь... Кстати, можешь меня по имени-отчеству звать. Не забыл еще? Сергей Палыч я. Так я уже больше привык. Меня здесь только так и зовут, и не все знают, что я офицер... Хотя и знать здесь почти некому. От всей большущей деревни семь жилых домов оставили. И население уже не живущее, а доживающее... Добивают их потихоньку. Обещают скоро пенсию до прожиточного уровня поднять. Но пока не поднимают, ждут, когда народ передохнет, потом и поднимут, чтобы лишнего не платить. До прожиточного, понимаешь, уровня... А до того как людям жить?

Семиверстов поморщился и шагнул к плите.

Газовая плита на кухне отставного полковника была старая, со сбитой местами эмалью, но идеально чистая. И все здесь было такое же. Не каждая хозяйка держит свою кухню в такой чистоте, как Сергей Палыч. Но капитан помнил, что полковник и от своих офицеров во времена собственной службы требовал, чтобы все в батальонном городке чуть ли не блестело. Привычка к армейскому порядку сказывалась и после выхода на пенсию.

– Я, товарищ полковник, Сергей Палыч, то есть, честно скажу, что японский и не пробовал. Даже на глаза такой ни разу не попадался. Так что мне и китайский пойдет, – согласился капитан Шингаров. – Да я и не очень различаю китайский, английский, цейлонский, еще какой... Что в магазине попадется, тем и пользуюсь.

– Ладно, пока чайник закипает, выкладывай свои проблемы...

– Насколько я информирован, вы английским, Сергей Палыч, хорошо владеете...

– Практики давно не было. Но еще не все покуда забыл. Простой разговор поддержать смогу, если без диковинного акцента. А то раз как-то с шотландцем с диких гор общался. Допрашивать его пришлось. В Афгане наемником был, инструктором у «духов»... Он меня понимает, а я его нет. Пришлось в штаб за шестьдесят верст тащить. Там только профессиональный переводчик разобрался. А мы что, будем по-английски говорить?

– Нет, я не настолько высокого о себе мнения, чтобы претендовать на способность правильно передать дело на чужом мне языке. Но вот тут у меня, – капитан раскрыл портфель и вытащил газету, – американская провинциальная газетка... Старенькая уже, двухмесячной давности. Но с любопытным, как мне кажется, материалом. Полюбопытствуйте...

Полковник посмотрел, остановив взгляд на фотографии, которую обтекал текст. С фотографии смотрело кавказское лицо.

– Ага... Надо очки искать, – сказал полковник прежде, чем начать читать сам текст. – Зрение уже не для газет... Куда ж я, спрашивается, их засунул? Кажется, в сарае оставил. Столярничал там с утра – и оставил... Да, думал после прогулки туда вернуться. Я очками-то редко пользуюсь. Газет не читаю, потому что ни слову там не верю, до книг руки не доходят. Некогда все... То в огороде, то в столярке, то с собакой занят. Телевизор я принципиально не держу. Правда, каждую субботу хожу к соседям смотреть проповедь патриарха...

– Могу вам телевизор подарить. У меня в гараже стоит.

– Я же говорю, что не держу его принципиально.

– Ну, так и будете принципиально только по субботам смотреть проповедь.

– Я к соседям хожу, чтобы и они тоже смотрели. Надеюсь, западет что-то в душу...

– Как хотите.

– Никак не хочу. Компьютер я тоже больше месяца не включал, потому что новостям не верю. Ладно... Ты капитана-то давно получил?

– Месяц назад, товарищ полковник... Пять месяцев тому как в Москву перевели, а месяц назад – очередное звание дали. Чуть раньше срока...

– Помнится, я в отставку выходил, ты только-только старшим лейтенантом стал... Ну так пойду очки искать...

Полковник встал.

– В принципе я могу, Сергей Палыч, и просто коротко пересказать, что там произошло, – предложил капитан.

– Ага... Тогда не мучай старческую память, заставляя аглицкий вспоминать. Докладывай...

Это последнее слово прозвучало совсем по-армейски и означало, что Сергей Палыч внутренне уже вернулся к прежнему своему командирскому состоянию и готов слушать, как опытный начальник своего подчиненного, забыв о том, что этот подчиненный – бывший, а подчиненных настоящих у него, кроме собаки, и нет.

– Вот этот человек с фотографии... Это Индарби Дошлукаев.

– Ага... Индарби?

– Да.

– Брат, я полагаю? Слышал я, помнится, что у Актемара Баштаровича брат был, но сам он считал его погибшим в какой-то криминальной разборке еще до первой чеченской. Непутевый парень был. Значит, выжил?

– Двоюродный... Родной брат у него в действительности погиб, только не при криминальной разборке, а при артиллерийском обстреле села в первую чеченскую кампанию. Вместе со всей семьей. И это вызвало у Актемара обиду на федералов...

– Может, и так, может, я путаю. Хотя в действительности все на шестьдесят процентов не соответствует тому, как бывает сказано в документах. Ты на документы, полагаю, опираешься?

– Мне больше опираться не на что, товарищ полковник. Я лично с Актемаром незнаком.

– Вот-вот... Документы эти составлялись, когда Актемар властям сдался и хотел выглядеть не таким, грубо говоря, смуглым, каким был в действительности... Слегка обелял себя и свою семью, искал оправдание своей боевитости. Ладно, это дело прошлое. Продолжай...

– Одно известно точно: родного брата у него уже нет. Оставался только двоюродный – Индарби Дошлукаев. В Соединенные Штаты переселился накануне первой чеченской войны. С боевиками связи не имел, в России никак и не по какому поводу не преследовался. Микробиолог среднего пошиба, звезд с неба ни у нас, ни там не хватал, но имел хватку делового человека. И, как всякий чеченец, умел никогда своего не упускать, если что-то не так лежало...

– Спорное утверждение насчет всех чеченцев.

– Может быть... Это мое мнение. Индарби получил гражданство США, работал в какой-то военной, как нам известно, лаборатории. Зарабатывал не слишком много, а хотел, судя по всему, большего, себя ценил. Однако не получилось.

– Ага... В твоих словах, капитан, звучит слово «был». Это уже определение ситуации. С Индарби, как я начинаю догадываться, что-то нехорошее случилось? Споткнулся, когда ел банан, подавился и представился Аллаху?

– Примерно так, Сергей Палыч... Отклонения только в деталях. Как раз об этом рассказывается в газете. Сидел якобы, отдыхал на скамейке под пальмами в небольшом курортном городке на тихоокеанском побережье Калифорнии. Лаборатория их располагалась в том же округе. Проезжающая мимо машина вылетела с дороги, сбила Индарби вместе со скамейкой и просто припечатала к пальме. Свидетель, какой-то инвалид на коляске, говорит, что перед этим Индарби выпустил из рук газету, ее ветром унесло, и газетный лист накрыл лобовое стекло машины. Водитель потерял управление. Полиция тоже была склонна видеть в этом случайность. Но, видимо, Актемар Дошлукаев нашел здесь закономерность только из того факта, что за рулем в момент аварии находился тоже этнический чеченец, по уверениям американской полиции, никогда ранее не встречавшийся с Индарби. Такое вот стечение обстоятельств. Получив сообщение о смерти двоюродного брата, Актемар собрал своих отдыхающих боевиков. Двенадцать лет отдыхали, силу наедали... Не всех найти смог, но основной костяк сохранился. И сразу провел мощную операцию там, где его никто не ждал. Где вообще боевиков не ждали... На учебной базе «кадыровцев» – без разговоров полез в полымя. Вроде бы большие силы там были сконцентрированы. А он на них попер... С минометами, пулеметами и гранатометами. Уничтожил более пятидесяти «кадыровцев». При отступлении минометы бросил, чтобы идти налегке. Потери существенные. Таких в Чечне давно не помнят. Сам Актемар отработал, похоже, без потерь. И похитил, как всем представляется, документы из секретной лаборатории чеченского МВД, что располагалась там же, на базе, замаскированная под медсанчасть. При этом расстрелял руководителя лаборатории профессора Мажитова, специалиста в области биохимии, и вместе с ним еще четверых. К несчастью, один из этой четверки – наш опытный агент, буквально неделю назад внедренный в лабораторию и успевший передать только одно донесение. Это для нас большая потеря. Второй, как удалось выяснить, аме-

риконец, прибывший в Чечню из Грузии, где до этого работал в какой-то грузинской закрытой лаборатории. У нас очень поверхностные знания о том, чем эта лаборатория занимается, но кое-какие наметки тоже есть. Чтобы сразу не отвлекаться, я скажу об этом позже. Американец, кстати, прибыл под видом врача, хотя врачебной практики, как мы выяснили, не имеет и по своему профилю занимается чистой химией, без приставки «био». В американском национальном реестре врачей не значится...

– А это что такое? – спросил полковник.

– Чтобы иметь право лечить людей на территории Соединенных Штатов, любой врач, гражданин США или нет, должен в обязательном порядке быть занесенным в национальный реестр врачей. В Америке с этим сложности, поскольку американцы не признают даже европейские медицинские дипломы. Мы имеем возможность полностью просматривать этот реестр по своим каналам, хотя каналы не открытые.

– Понял. Продолжай...

– В американском национальном реестре врачей не значится, но, по нашим данным, имеет какие-то отношения с ЦРУ. Возможно, штатный сотрудник, но хорошо законспирированный. Последний раз он возник на горизонте в исследовательском центре в Лос-Аламосе. Но это не наши данные, а немецкой разведки. Мы проверить не можем. Центр в Лос-Аламосе занимается всякой чертовщиной: НЛО, зомби, телепатия и прочее. Двое других убитых – просто научные сотрудники лаборатории. Один, кстати, поляк, но в Чечне работает уже больше года; второй – специалист с Украины. Оба биохимики... И Актемар Дошлукаев всю лабораторную международную элиту расстрелял, а потом поджег саму лабораторию, заодно уничтожив специальный научный аквариум с рыбой фугу, так называемой рыбой-собакой или рыбой-шаром, иглобрюхом, двузубом. Ценный был аквариум... Урон, в общем, большой, многомиллионный. Я не говорю уже о «кадыровцах», которые страх на округу наводили, а он навел страху на них...

– Круто, – с легким одобрением в голосе произнес отставной полковник, показывая, что ему, несмотря на пенсионный возраст, не чужд молодежный сленг. – Про рыбу, я полагаю, ты тоже желаешь потом рассказать...

– Потом, товарищ полковник. В качестве небольшого приложения, если это понадобится, чтобы вас убедить...

– Ага... Если думаешь убедить меня вмешаться до такой степени, чтобы я согласился уехать от своего огорода, то можешь сразу прекратить рассказ. Я всю зиму ждал, когда начну в огороде копать. Нравится, понимаешь, мне это дело. Гораздо больше войны нравится.

– Я продолжаю рассказывать, – сказал капитан.

– Продолжай. И где Актемар сейчас?

– Нет координат. Даже по трубке сотового телефона найти его не смогли. Уже знает, похоже, о возможности поиска через спутники. Сменил сим-карту. Кто-то говорит, что он в лесу, кто-то – что рассеял джамаат по окрестным селам, а сам прячется в городе, но собирает своих в течение часа или двух и убивает людей выборочно, по не совсем понятному нам принципу: от руководителей следственной службы до офицеров финансового отдела. Кстати, водитель машины, сбившей Индарби, после аварии остался жив, хотя сильно пострадал, был доставлен в реанимацию, но там же ночью был застрелен из пистолета с глушителем. Убийцу никто не видел. Возможно, у Актемара такие длинные руки, а возможно, сам Актемар здесь ни при чем и кто-то убрал человека, способного сказать лишнее. Но факт остается фактом – Дошлукаев начал боевые действия.

– Ага... Воевать, значит, снова пошел... «Эффект бабочки», – сказал полковник Семиверстов.

– Что, товарищ полковник? – не понял капитан.

– Слышал про такого человека – Эдвард Лоренц?

– Это какой-то кинолог? Австриец, кажется...

– Нет. Кинолога зовут Конрад Лоренц, он точно – австриец. А этот – Эдвард, американец, математик и метеоролог, но тоже ученый достаточно известный, автор так называемой «теории хаоса». Так вот, этот Эдвард Лоренц дал такое определение, как «эффект бабочки». Бабочка, взмахивающая крыльями в одном конкретном месте, может этим своим движением вызвать торнадо на другом конце света. Дальше – больше: одно торнадо порождает другое, то – еще что-то, и начинается «эффект домино». Так и в твоём рассказе... Полетевшая по ветру газета где-то там, в Америке, по ту сторону земного шара, заставила Актемара Баштаровича Дошлукаева взяться за оружие в Чечне... Только я пока не вижу связи между этими двумя фактами, а связи быть должны, и основательные...

– Я, товарищ полковник, еще не успел эти связи обозначить. И «теория хаоса», честно говоря, мне не совсем по душе. Я с большим уважением отношусь к древнеегипетскому философу Гермесу Трисмегисту, который написал в своих «Изумрудных скрижалях», что подобное притягивается подобным. То есть в мире ничего не происходит случайно. Только мы не умеем правильно отследить все существующие связи. Когда чем-то конкретным плотно занимаешься, подобное начинает вокруг тебя вертеться само. Я много анализировал и пришел к выводу, что это работает. И именно это помогает связи найти. Так и в нашем случае – отдельные связи обозначить возможно.

– Ага... Только «теория хаоса» говорит о том же, о чем этот древний египтянин говорил. Но американцы, как всегда, любят чужое объявить своим. Но я рад, что в нашем случае связи просматриваются. Тогда обозначай их. А то я не понимаю...

– Я, товарищ полковник, немного издалека начну... В декабре 2007 года в Германии некий ученый из Саудовской Аравии подал прошение о регистрации патента на свое изобретение. Араб разработал некий жидкий мини-чип, вводимый в организм человека простой инъекцией. Чип позволяет не только отслеживать с помощью простого телефонного спутника и даже автомобильного навигатора все перемещения объекта, но и, при определенных условиях, дать человеку сигнал к самоуничтожению, и его организм останавливает свою деятельность. К самому ученому у нас интереса нет, потому что он уже сгинул в небытие – кажется, с чьей-то помощью. Дело не в нем, а в дальнейшем развитии событий... В соответствии с немецким законодательством краткое изложение изобретения публикуется в открытой патентной базе, что и было сделано. Наши специалисты, как и заинтересованные специалисты других стран, регулярно просматривают эту патентную базу. Мало ли что может появиться любопытного, что наведет на хорошие мысли, которые можно развить даже самостоятельно. Впоследствии в регистрации изобретения ученому было отказано категорически, хотя сутью его разработок заинтересовались, как это часто бывает, спецслужбы сразу нескольких стран, которых наличие патента интересовало меньше всего. Наши специалисты, кстати сказать, тоже проявили интерес, но нас в данном случае опередили.

– Кто из наших работал по этому вопросу? – поинтересовался полковник.

– Внешняя разведка. Ждали согласования...

– Ага... Их всегда опережают. Извини, капитан, перебыю. Что там у вас слышно о передаче нашего агентурного управления Службе внешней разведки?

– Даже сюда слухи доходят! Вот уж... Слухами земля полнится... Говорят, и много говорят, товарищ полковник. Сам я не слышал, но утверждают, что министр обороны такие планы уже высказывал публично. А это уже значит, что есть согласование на самом высоком уровне.

– Странный у нас, надо сказать, министр обороны. Лишает оборону агентурной разведки и передает ее из собственных рук в другое ведомство, которое всегда опаздывает...

– Он не только это делает... Это только ягодки...

– Наслышан. Ладно, не будем обсуждать, во что не имеем возможности вмешаться, вернемся к нашему делу... Кто на этот раз опередил всех?

– Обычно всех опережает «Моссад». Но в данном случае «Моссаду» ловить там было нечего, поскольку сам ученый был из арабского мира и с евреями работать не захотел бы. И потому изобретение прибрало к рукам ЦРУ. Вместе с изобретателем... Последний раз этого араба видели в аэропорту Лос-Анджелеса, после этого ученый пропал без следа. Искать его пытались родственники, но безуспешно.

– Типичная история. Отработанный материал подлежит уничтожению и захоронению, – констатировал Сергей Палыч. – Вот и уничтожили и захоронили так, что следов не осталось... Или же, при другом раскладе, этот тип просто прячется от алиментов. Сбежал из своего гарема в чужой, а алименты платить не желает. Такое тоже может случиться...

Капитан Шингаров коротко хохотнул и продолжил, не желая такую важную тему разминать на шутки:

– Но нас его судьба волнует мало. Нас волнует то, что согласно данным внешней разведки Индарби Дошлукаев работал как раз в той военной лаборатории, которая и закупила материалы, не удостоившиеся немецкого патента.

– Кстати, – перебил Шингарова полковник, – а что немецкие спецслужбы? Совсем материалами не заинтересовались?

– Последствия Второй мировой войны, товарищ полковник, еще сказываются... Немцы комплексуют, когда вопрос касается таких дел. Именно потому они и отказались выдать арабскому ученому патент. Если бы еще это была разработка собственных лабораторий и была бы полная уверенность, что все останется в строжайшей тайне, немцы, конечно, повели бы себя иначе. А так – они собственного общественного мнения боятся. А изложение материала было выставлено на открытый обзор. Следовательно, общественное мнение в курсе...

– И хорошо, что боятся. Нашим бы некоторым политикам побояться общественного мнения... Продолжай.

– Лаборатория, которой руководил полковник Мажитов, занималась, насколько нам известно, разработкой психотропного и психотронного оружия. И именно поэтому мы заинтересовались ее деятельностью, не входящей в федеральные разработки.

– А что за федеральные разработки?

Полковник спросил и поднял брови, стараясь уловить реакцию капитана Шингарова. Тот действительно смутился.

– А вы что, Сергей Палыч, не знаете, что у нас существуют закрытые лаборатории? Думали, такое могут себе позволить только западные страны и китайцы?

– Нет, еще монголы, – добавил полковник.

– Монголы? – не понял Шингаров.

– В годы моей лейтенантской молодости существовала такая лаборатория на территории Монголии, правда, относящаяся к госпиталю Советской армии. Но там работали настоящие монголы и несколько тибетских монахов, мечтающих о возвращении Тибету государственности. С председателем Мао тогда отношения были натянутые, и наши тибетцев прикармливали. Но это так... Про российские лаборатории я действительно ничего не знаю, хотя догадываюсь, что они должны быть и даже, вполне вероятно, могут существовать под крышей ГРУ. А ты знаком с перечнем федеральных разработок?

Шингаров улыбнулся:

– Чином, товарищ полковник, не вышел. И образованием, кажется, тоже... Не по тому профилю обучался. И в лаборатории такого плана мог бы быть только в качестве «кролика».

– Ладно, ближе к делу...

Полковник встал, чтобы заняться заваркой чая. Как гостеприимный хозяин, он свои обязанности не забывал, но и разговор мог продолжать. Чай заварил и заварочный чайник перекрестил, что-то прошептал себе под нос.

Шингаров продолжил:

– Официально наши власти с властями Чечни сильно дружат, друг друга во всем поддерживают. Но присматривать за чеченцами стоит. Вот неожиданно и обнаружили. Мы сумели внедрить туда своего офицера, имеющего соответствующие знания, но тут вмешался Актемар Баштарович Дошлукаев. Вмешался излишне активно, нарушив все наши планы. И планы своих соплеменников, естественно... Причем, когда следственная бригада разбирала то, что осталось от сгоревшей лаборатории, было обнаружено, что сейф профессора Мажитова был открыт – дверца распахнута. А внутри не оказалось никаких следов сгоревшей документации. А документации там было много, и все по разной тематике. Это мы уже знали из первого и единственного донесения своего агента. И нам, естественно, очень хотелось бы на эту документацию взглянуть...

– Это я могу понять, – полковник задумчиво почесал гладко, как обычно, выбритый подбородок. Даже в деревенской глуши Сергей Палыч не изменял своим старым армейским привычкам, хотя мог бы себе позволить и бороду отпустить. – Ладно... Ты какие-то приложения к основному тексту обещал...

– Насколько нам известно, вы дважды или трижды бывали в гостях у Актемара Дошлукаева. Дома, в семье... Когда он был уже освобожден и с него сняты все обвинения...

– Бывал. Беседовали о жизни. Он сам приглашал, я заезжал... С семьей его знаком... Он мне нравился как человек. Надежный и простой. И у нас установились взаимоуважительные отношения.

– Вот об этом и речь. Командование просит вас поговорить с женой Актемара Баштаровича, чтобы она дала нам возможность встретиться с ним. Дошлукаев наверняка каким-то образом общается с женой. Она может передать вашу просьбу ему. Ну, если не встретиться, то хотя бы связаться любым образом. Хотя бы по телефону поговорить...

– Значит, ты все же хочешь выгадать меня с огорода.

– Необязательно. Мы можем жену Актемара даже сюда привезти.

– Подумаем... Странное это дело. Не войсковое, я бы сказал. Выкладывай пока свои приложения...

* * *

– Чай, товарищ полковник, у вас какой-то необыкновенно вкусный. Умеете заваривать...

– Льстишь не по делу... Чай, согласен, вкусный. Но я здесь ни при чем. Вода чистая, родниковая. На такой воде все вкусным получается. И никакого умения не нужно. Просто вы, горожане, хлорку уже не замечаете, привыкли. А я, как в город выберусь, там пить ничего не могу. Везде запах хлорки...

– Да, привычка, – согласился капитан. – А какой у вас пес дисциплинированный! У моей мамы собачка... Мелкая дворняжка. Придешь к ней, поговорить не даст, требует к себе всеобщего внимания.

– Ньюфистофель – интеллигент. Порода очень интеллигентная. Его замечаешь только тогда, когда тебе это хочется.

– Ну, такого слона не заметить трудно.

– Тем не менее умеет быть незаметным. Не надоедает...

Полковник вторично разлил чай по чашкам.

– Ну так, приложения, говоришь... Сначала – о грузинской лаборатории.

– У нас достаточно мало сведений по этой лаборатории. Ею наша агентурная сеть плотно заинтересовалась после того, как наши санитарные органы запретили ввоз в Россию грузинского вина. Раньше, когда присматривались поверхностно, казалось, через лабораторию просто «прокручиваются» какие-то «левые» деньги, что для самой Грузии процесс естественный: без таких махинаций эта страна, говорят, просто не может существовать. Но потом пришлось при-

смотреться внимательнее. Дело в том, что значительная часть вина, приготовленного для ввоза в Россию, была просто вылита в канавы. Остальная часть продана в другие регионы или оставлена для внутреннего пользования. Но удалось выяснить, что вылитое вино произведено из урожая виноградников, удобрения на которые поставлялись через якобы коммерческий отдел этой самой лаборатории. Санитарный анализ в России обнаружил только вредные содержащиеся, но не более. Однако этого хватило. Но от санитарных служб с их примитивными системами исследования другого и ожидать было трудно. Наши специалисты исследовали сами удобрения, добытые агентурой, в собственных лабораториях и обнаружили фантомные остатки препарата «33FC-ZI».⁴ Знаете, что это такое?

– Что-то смутно припоминаю. Слышал еще в годы своей службы. Если не трудно, напомни...

– Препарат по классификации относится к психотропным, накапливающимся в организме без возможности вывода естественным путем. Оказывает подавляющее влияние на мозг и центральную нервную систему. С момента накопления в организме соответствующей дозы человек становится просто биороботом, который будет механически, без раздумий и сомнений, выполнять все приказы, не вдумываясь в то, кто эти приказы отдает. Еще одно важное качество этого препарата – он подавляет в организме несколько генов, отвечающих за природный инстинкт самосохранения. То есть человек становится неспособным к элементарной самозащите...

– Хорошо, что в армии не пьют грузинское вино, – горько усмехнулся полковник. – Водка, я слышал, сама подавляет психотропные препараты.

– Это сказки, придуманные теми, кто пьет только водку, – категорично заявил капитан. – Но «паленая» водка, производимая в кавказском регионе, завозится в Россию массовым порядком, и каждый раз лабораторные анализы находят там новую и новую гадость. Если не психотропные препараты, то отравляющие вещества или просто вещества, сокращающие по мере накопления жизнь на пару десятков лет. Препарат же «33FC-ZI», иногда его еще называют «тридцать третий», находит слабое применение из-за того, что быстро разлагается в атмосфере. Тем не менее, попав вместе с удобрениями в виноград, он сохраняется там, подпитываясь естественной глюкозой, и попадает потом в вино. – Капитан допил чай. – Вопрос с приложением, товарищ полковник, кажется, исчерпан...

– Частично. Ты еще про рыбу не рассказал.

– Ах да, этот аквариум в лаборатории профессора Мажитова...

– В бывшей лаборатории бывший аквариум...

– Да, Чечне придется закупать рыбу фугу для нового аквариума, если они соберутся продолжать работу лаборатории. Но для этого им следует сначала найти все те документы из сейфа профессора, что похитил Актемар Баштарович Дошлукаев. У лаборатории есть дополнительные корпуса, но они занимались, насколько нам известно, не серьезными изысканиями, а выполняли только вспомогательные функции.

– Итак, рыба фугу...

– Рыба фугу плавает в Тихом, Атлантическом и Индийском океанах. Маленькая рыбешка величиной с ладонь. Но при появлении опасности раздувается, превращаясь в шар, и становится в несколько раз крупнее. Кроме того, способна защищаться с помощью ядовитых игл и зубов. И горе той акуле, которая пожелает проглотить рыбу фугу. В ее икре, коже и особенно в печени содержится тетродотоксин, так называемый ТТХ, чрезвычайно сильный яд, в тысячу двести раз более ядовитый, чем цианистый калий. Чтобы отравить человека, достаточно одного миллиграмма. Одной рыбины хватает, чтобы отравить сорок человек.

⁴ Препарат «33FC-ZI», отряда алкалоидных, синтезирован в 1997 году в одной из военных исследовательских лабораторий США. Представляет собой сильнодействующий психотропный продукт.

– Чечены собрались разводить фугу в аквариумах и продавать на наших базарах? – Полковник показал, что черный юмор ему не чужд. – Пусть для начала отправят партию в столовые всех телеканалов...

– Не возражал бы, – заметил капитан. – Только рыба эта, по большому счету, съедобна.

– Даже так?

– В Японии существует сложная система аттестации поваров на получение лицензии для приготовления рыбы фугу. И при этом каждый повар должен сначала попробовать свой продукт сам и только потом подавать на стол клиентам. Стоимость одной порции в дешевых японских ресторанах – около пятисот долларов. Кто пробовал, говорит, что вкус незабываемый. Скептики утверждают, что незабываемым он становится от остроты ощущений, а так – обычная рыба. Кто обедает, стоя на канате над пропастью, испытывает те же чувства...

– Наверное, – согласился полковник Семиверстов.

– Тем не менее существует несколько способов приготовления этой рыбы. У меня тут в документах есть выписка из книги одного советского журналиста-международника, которого угощали этой штукой. Он уверяет, что у него и у других сначала отнимались ноги, потом руки, и он видел, как люди, не в силах пошевелиться, только глазами водят, с удивлением друг на друга посматривая. А потом наступает эйфория, когда уже никто никого не видит. Это один из способов приготовления. При котором фугу выделяет какое-то наркотическое средство. Сам способ в книге не описан, но есть и другие способы, рецептура существует. Ничтожные доли тетродотоксина содержатся в спинных мышцах, которые в основном и идут в пищу. И от временной термообработки зависит влияние мяса фугу на организм. Так вот, случается, что человек впадает в транс и его можно в это время зомбировать. Причем получается не тот классический зомби с Гаити, который три дня лежит мертвым, а потом встает из могилы и делает то, что ему прикажут, и которого легко вычислить по неадекватной манере поведения, а обыкновенный человек, запрограммированный в определенное время и в определенном месте совершить какой-то конкретный поступок. Понимаете, товарищ полковник, какое оружие создавали в Чечне?

– Понимаю...

– Кстати, на Гаити, где рыбу фугу зовут двузубом, для отвара используют не мышечные ткани, а кости. Они тоже достаточно токсичны. Но мы не будем говорить о Гаити, а остановимся на чеченском варианте...

– Чтобы что-то сделать, следовало найти оптимальную норму для обработки рыбы. А этого добиться можно только опытным путем. Сколько же человек следует убить или изуродовать, чтобы получить результат?

– Много...

– У профессора Мажитова уже были положительные результаты?

– В том-то и беда, что Актемар Дошлукаев уничтожил окружение профессора и нашего агента. Но кое-какие сведения были уже в первом донесении. Недавно из Самары вернулась испытательная бригада. Прошу обратить внимание, товарищ полковник, что испытания проводятся не в Чечне, а в России. Причем это была уже повторная командировка. Проверяли первые объекты испытаний, проведенных год назад. Агент не имел доступа к материалам и только констатировал факт возвращения испытательной бригады, а теперь к материалам имеет доступ только один Актемар Дошлукаев. А нам не просто любопытно, нам необходимо на них посмотреть, потому что ответ на наш запрос в самарское областное управление внутренних дел пришел любопытный.

– Приложение под номером три, – констатировал полковник Семиверстов.

– Совсем короткое... Мы запрашивали областное управление исключительно по поводу странных, не поддающихся расследованию дел. Оказывается, таких дел у них накопилось множество, причем задолго до начала деятельности лаборатории профессора Мажитова. лабора-

тория работает всего чуть больше четырех лет. А первые подобные случаи зафиксированы в областном центре еще в девяносто четвертом году, когда в связи с общей обстановкой в Чечне никак не могла возникнуть такая лаборатория. Случаи, надо сказать, странные. Сначала скромная, ничем не примечательная студентка, кстати, накануне собственной свадьбы, находясь в абсолютной трезвости, вдруг полностью раздевается и совершает прогулку по двору. Потом она вообще никак не может объяснить свой поступок. Смутно что-то помнит, но ничего не в состоянии объяснить. Свадьба, естественно, расстраивается, что доводит студентку до нервного срыва. Чуть позже мужчина средних лет, не имеющий криминальных наклонностей, выносит из дома дорогие золотые коллекционные украшения, принадлежащие его отцу, всего на сумму 27 миллионов рублей, и относит их для передачи к кому-то на квартиру. Объяснить ничего не может, но квартиру показывает. Там живет пенсионер-инвалид, совершенно мужчине незнакомый. Мужчина квартиру не узнает, хотя мебель там уже много лет не меняли, но он уверен, что входил именно в эту дверь. Сам хозяин квартиры мужчину тоже не узнает... И еще несколько случаев сходного характера, в пятидесяти процентах имеющих корыстный мотив, в оставшихся пятидесяти – ярко выраженный хулиганский...

– Интересно... И никаких следов?

– Вообще ничего... Не за что было зацепиться. Следующая вспышка целого ряда происшествий произошла год назад. Как раз во время предположительных испытаний, проводимых бригадой лаборатории Мажитова. Характер тот же. И последняя вспышка совсем недавно. Это все, что касается испытаний.

– Логичный вопрос, капитан. Вспышка в девяносто четвертом году выпадает из системы. Что это может значить?

– Это должно значить, что Мажитов у кого-то купил эту технологию, точно так же, как купил недавно другую у Индарби Дошлукаева через его брата Актемара. Цена, как нам удалось узнать, была при этом слишком высокой для отдельной темы – двести пятьдесят тысяч долларов. Сама тема пустяковая. Предположительно, с Индарби расплачивались одновременно за что-то другое. И координаты лаборатории Актемару дал именно двоюродный брат...

– Здесь я соглашусь. – Полковник Семиверстов напряженно смотрел в пол. – Появление в лаборатории американца, ранее работавшего в Грузии, – событие из этого же ряда...

– Индарби работал на американцев, но не забывал свои исторические корни...

– А это уже вопрос спорный. Я бы скорее предположил, что американцы через Индарби гнали препараты в Чечню, предполагая, что они будут использоваться против России. Это все было продумано...

– Значит, есть новая версия, с которой я мог бы согласиться как с одной из рабочих.

– Есть такая версия, – согласился полковник. – И твои приложения убедили меня, что вмешаться стоит. Хотя бы попробовать стоит, хотя я и не уверен в том, что все пройдет, как хочется. Мы с Актемаром относились друг к другу с уважением, но все же не были друзьями... А теперь попрошу обеспечить меня связью с женой Актемара. Трубку мне и трубку ей. А то я без телефона обхожусь... Здесь как-то даже и не требуется. Если что сыну сказать надо, в райцентр могу съездить...

– Сделаем, товарищ полковник. Я сегодня же привезу вам, а потом позвоню в Грозный, чтобы там обеспечили трубкой жену Дошлукаева. Как только мне номер передадут, я сразу с вами свяжусь.

– Буду ждать.

Глава вторая

– Ты бы лучше не выходил сегодня в город, – посоветовал Джабраил. – «Кадыровцы» по всем улицам разъезжают, патруль за патрулем. Кто-то сказал, что ты в лес уйти не захотел и здесь прячешься...

Сам Джабраил Артаганов, подполковник республиканского управления ФСБ, на службу обычно ходил в гражданской одежде, но в этот раз надел мундир.

– Я послушаюсь тебя, – согласился Актемар. – Хотя так сказать некому. Буду дома сидеть. Если разрешишь и дальше твоим компьютером пользоваться...

– Пользуйся на здоровье. Жалко, что ли... Интернет я вчера оплатил, можешь и в сети работать. Просьба только одна – ничего из моих файлов не удаляй.

– Твои файлы я даже не смотрю, мне своих хватает.

– Много уже проверил?

– Из того, что с собой привез, больше половины. Работы еще надолго хватит...

– Ну-ну, работай... Остальные-то диски не пропадут?

– Я спрятал диски и документы в разных местах. А они друг друга дублируют. Пропадет одно, останется другое...

– А парни твои?

– Во-первых, я в них не сомневаюсь; во-вторых, материалы прятал я один... Никто не видел, никто не знает...

– Значит, все-таки не доверяешь им...

– Доверяю. Но не хочу подставлять. Им в моем положении быть не следует. Да они и не знают, что это за материалы...

– Хороший ты командир, если так о своих парнях заботишься.

Актемар осмотрел Джабраила с головы до ног.

– А ты что сегодня, на парад собрался?

– Совещание у начальства. Кто-то из Москвы пожаловал. Будут нас озадачивать. Приказано всем быть в форме и даже побритыми.

– Совещание по поводу?..

– Я так думаю, что повод сейчас у всех на слуху – ты... Такого переполоха Грозный не помнит со времен убийства президента Кадырова-старшего. Очень ты их зацепил. В большое место попал. Весь город буквально переворачивают.

– Тамилу сильно достают?

Актемар переживал за жену, но она – женщина понимающая, знала, что ее ждет, когда провожала мужа. Но Тамиле не привыкать к подобному. Хотя за двенадцать лет спокойной жизни могла уже и отвыкнуть от тревог молодости.

– А ты как думаешь?! «Кадыровцы» вообще хотели захватить ее, если бы мы не воспротивились. Я сам предупредил... С издевкой, чтобы впечатлило... Сказал, что не буду защищать родственников тех уродов, которые посмеют это сделать. А родственников этих, как я предположил, придется хоронить уже вскоре после захвата. Мне поверили, потому что я лучше других тебя знаю... И сына твоего в колледже травят. Дети еще ничего, даже наоборот, с уважением, а преподаватели... Выполняют, я думаю, негласный приказ сверху...

– Даурбек уже взрослый. Я в его годы воевать начал. Но... Найди мне телефон директора колледжа. И имя... Чтобы было к кому обратиться.

– Не перестарайся?

– Я доходчиво объясню.

– Найду. Как только до кабинета доберусь, сразу позвоню. Кстати, сегодня Тамилу к нам на допрос вызывают. Могу встретить в коридоре. Что-то сказать ей?

– Я ей уже все сам сказал. Тот номер никто не прослушивает?

– Разве что случайно... Официально у Тамилы мобильного нет. Зарегистрирован на офицера нашего отдела.

– Долго переполюх длиться будет?

– Они говорят, пока не поймают. Я думаю, через пару дней уже спокойнее будет. Ну, ладно, мне пора. На совещание опаздывать нельзя. У нас как считают: если из Москвы пожаловали, значит, начальство...

– Ладно. Не забудь чистые диски купить. Мне уже копировать не на что.

– Постараюсь не забыть.

Джабраил ушел. Актемар постоял у окна, не отодвигая шторы. Посмотрел, как его товарищ вышел из подъезда, как поздоровался с двумя женщинами, разговаривающими между собой, и на ходу, через плечо, коротко с улыбкой ответил на вопрос одной из них, а потом скрылся за углом. Квартира у Джабраила хорошая, просторная, дом старой добротной постройки, которые обычно называют «сталинскими», с толстыми стенами и перекрытиями, с основательной звукоизоляцией. Это важно, потому что шаги в квартире, когда хозяин ушел на службу, могли кого-то навести на нехорошие мысли. Семья у Джабраила в Москве живет. Сын в институте учится, отец купил ему квартиру, и мать туда же переехала, чтобы за сыном присматривать, а то в Москве легко попасть в нехорошую компанию.

Первоначально Актемар намеревался перерыть все привезенное из сейфа лаборатории в рюкзаке Исрапила и найти документы, которые Индарби через него передал профессору Мажитову, когда просил напомнить, что за Мажитовым числится немаленький долг за прошлую «посылку». Лукман Мажитов, хороший знакомый Актемара по давним еще временам, обещал поторопить правительственных чиновников с выделением средств, хотя, как сказал, данные Индарбигодились лишь отчасти, поскольку до большинства выводов в лаборатории уже докопались самостоятельно. Тогда только Актемар предположил, что его двоюродного брата с профессором связывают не простые коммерческие отношения, а Индарби, возможно, работает на правительство Чечни. На эту тему был отдельный разговор с Лукманом, но тот категорично заявил, что Индарби Дошлукаев работает на свой страх и риск, а его работу оплачивает правительство Чечни, поскольку на балансе правительства, в частности Министерства внутренних дел, стоит сама лаборатория профессора. А материалы Индарби тесно касаются разработок Лукмана, поскольку сам Индарби трудится в американской лаборатории аналогичного направления. Рассматривая первоначально только бумажную часть похищенного, Актемар начал понимать, в какое дело он ввязался и что за лабораторию возглавлял Лукман. Материалы Индарби сразу найти не удалось, и вообще по внешнему виду их трудно было уже определить, потому что профессор перевел все в цифровой формат, а далеко не все компакт-диски были снабжены соответствующей распечаткой. Приходилось просматривать все более подробно, во многих случаях через компьютер прямо с дисков. Но когда Актемар углубился в просмотр, уже не мог оторваться. Материал был ценным, но и настолько угрожающим, что эмир Дошлукаев, не терявший присутствия духа в самых сложных ситуациях, растерялся и даже отложил на время окончание запланированных акций. Следовало решить, что делать с материалами. Но прежде, чем принять решение, требовалось все просмотреть до конца.

* * *

В положении Актемара хорошо иметь такого друга, как Джабраил Артаганов. Впрочем, такого друга неплохо иметь и в любом положении, даже в самом мирном, не говоря уже о нынешнем, в которое Актемар себя поставил, когда променял спокойствие и работу в спортивной школе на положение снова гонимого человека, изгоя. Но хорошо, что друзья остались, и хорошо, что далеко не все в Чечне властью довольны. По разным причинам, часто даже про-

тивоположным, но недовольных хватает, и эти недовольные готовы поддержать точно так же, как и друзья. И еще есть бойцы джамаата, которых он, их эмир, поднял с насиженных, теплых и уютных мест. Он сразу предупреждал, что не будет таить обиды на того, кто не захочет пойти за ним. Но из тех, кого сумел найти, пошли все, и все были согласны рисковать жизнью и положением – предать своего эмира они не могли. И это поставило перед Актемаром еще одну проблему, которую, впрочем, решить было можно, и он уже, кажется, готов был ее решить. Материалы, похищенные в лаборатории, несомненно, представляют собой громадную ценность для любого государства, даже самого, на словах, демократичного. А уж о странах, которые имеют внутренние сложности и где вооруженный человек не является чем-то из ряда вон выходящим, эти материалы вообще бесценны. Если продать их, можно хорошо устроить всех поддержавших своего эмира бойцов. Деньги разделить поровну. Ну, может быть, побольше тем, у кого семья большая, детей много, и помочь в устройстве за границей. Конечно, лучше в какой-то мусульманской стране, которой в ближайшем будущем не угрожает война. Но это все позже, на общем совете. И только после завершения всего, что задумано. Бойцы тоже голову на плечах имеют. А с возрастом Актемар стал не таким авторитарным, как прежде, и готов выслушать чужое мнение.

Друзья во многих случаях способны решить больше половины проблем, стоящих перед человеком. Вот взять, к примеру, Джабраила Артаганова – подполковник ФСБ, которому по долгу службы положено было ловить своего друга, ни секунды не сомневался, когда Актемар пришел к нему и сразу все честно сказал. И даже помогать стал, рискуя собственной службой, погонями, свободой. И это даже при том, что он всегда служил честно, хотя, когда сам Актемар спросил его напрямую, ответил:

– Я российский офицер и чеченец по национальности. Но я служу не России и не Чечне... Я служу народам России и Чечни. Не президенту России, не президенту Чечни. Одни придут, другие уйдут, а народ останется. Ты – это народ... Полковник Мажитов тоже народ, но он человек, для народа вредный. Ты – гонимый, но от тебя народу пользы больше, чем от всех, вместе взятых, «мажитовых» и «кадыровцев». Можешь на меня положиться.

Это друг настоящий...

А друзьями они стали еще в первую войну, когда воевали на разных сторонах и должны были бы друг друга ненавидеть, но ненависти не получилось. Ненависть вообще удел слабых, а они оба были сильными. Джабраил Артаганов, когда все началось, в Москве служил, был старшим лейтенантом, но, несмотря на призыв Джохара Дудаева ко всем разбросанным по пределам бывшего Советского Союза этническим чеченцам к возвращению на родину, не вернулся, потому что по службе своей знал, что представляет собой фигура нового чеченского лидера. Знал, кто и для чего толкал генерала на родину с «волчьим»⁵ знаменем в руках. Дудаев своими речами не зажег Джабраила, даже искры не пробудил.

Времена тогда были смутные, как пасмурное небо, все чего-то ждали, на что-то надеялись, хотя и не понимали, в какую сторону двигаться, – хотели прояснения. Тогда и появился Джохар, представился героем, почти таким, как Шамиль, и показалось, что именно он знает, куда людей вести, какова конечная точка этого пути. Актемар поверил Дудаеву сразу и безоговорочно, хотя раньше и не слышал о таком генерале. Раньше про него вообще никто не слышал, кроме военных летчиков, что служили под его командованием. А тут и по центральному телевидению Джохара Дудаева стали без конца показывать. Это уже потом, после знакомства с Джабраилом, Актемар узнал, что поднятие авторитета Дудаева – целенаправленная акция российского Правительства. Тогдашние правители России имели в своем штате хороших психологов-аналитиков, которые точно выполняли заказ. Сначала вроде бы начали поднимать авторитет Хазбулатова, потом посчитали его не той фигурой, что способна повести за

⁵ На знамени Чечни времен Джохара Дудаева был изображен спящий волк.

собой народ туда, куда правителям хотелось завести чеченцев и всю Чечню. Хазбулатов честолюбием тоже отличался, но обладал им не в такой степени, как Дудаев, не обладал решительностью и способностью к принятию кардинальных решений. Да и поумнее Джохара он был, тоже понимал, чем это все может кончиться. Правителям России нужна была маленькая победоносная война. Во-первых, чтобы отмыть большие деньги; во-вторых, чтобы дополнительно за счет армии нажиться; в-третьих, чтобы отвлечь народ от собственного бедственного положения и иметь возможность списать общие беды и нищету на эту самую войну. Тогдашний министр обороны, превратившийся в полководца из простого командира десантной дивизии, как оказалось, не только полководческими талантами не обладал, но даже малейшим организационным даром. И война из маленькой победоносной превратилась в позорно проигранную. Но это было потом. А в грязном и слякотном кавказском декабре никто об этом не знал...

* * *

В тот день снег шел попеременно с дождем и так размыл грунтовую дорогу, что, замедляя движение колонны, лишил федеральные войска возможности оперативного маневра. Было бы побольше сил, джамаат Актемара Дошлукаева даже эту колонну атаковал бы без страха. Такое было у бойцов и у самого эмира воодушевление и подъем после нескольких небольших, но эффективных побед, одержанных в последнее время над отдельными подразделениями. Но Актемар хорошо знал, что впечатление о невозможности маневра обманчивое, танки в действительности таких преград, как грязная дорога, не признают в принципе, и если сейчас атаковать танковую колонну, если даже поджечь один или два танка, то остальные развернутся во фронт за какие-то мгновения и просто растопчут узкую полосу лесонасаждений, обычно называемой «зеленкой», хотя такое название подходило для этой полосы исключительно летом, когда она в самом деле зеленая и способна укрыть и спрятать. А вместе с «зеленкой» растопчут и размажут по грязи и всех бойцов джамаата, потому что какой-то крутизны, камней и скал, за которые можно перебежать, чтобы укрыться, рядом не было. До ближайших скал, где укрывалась большая часть отряда и машина, пятиместный военный «уазик», недавно захваченный в качестве трофея, было больше пяти километров. Да и рейд этот был просто разведывательным, и Дошлукаев не взял с собой ни одного «РПГ-7», ограничившись тремя разовыми гранатометами «Муха», выстрел из которых может причинить танку единственный вред – сорвать антенну...

В середине колонны шел тентированный грузовик с солдатами. Вот для грузовика и «Муха» страшна, не говоря уже о тех, кто в кузове сидел. Обычно один грузовик перевозит взвод солдат. Трех выстрелов «Мухи» хватит, чтобы «накрыть» весь взвод, а остатки можно спокойно расстрелять из автоматов и пулеметов. Но и в случае обстрела грузовика танки тут же совершат маневр. Развернутся и проутюжат всю «зеленку».

Перед замыкающим колонну танком ехал «уазик». Также добыча для «Мухи». И тоже приходилось его пропускать из чувства самосохранения. Так бы и ушла вся колонна, не вздумай кто-то, сидевший в кабине рядом с водителем грузовика, отдать нелепый приказ. Грузовик вполне сносно ехал по танковому следу. Умятый чернозем не был липким, потому что гусеницами многих танков выжали из него воду. А грузовик начал обгон ближайшего танка. И тут же застрял в грязи. Машина была мощной, а солдат-водитель, как видел Актемар по его действиям, неопытным. Вместо того чтобы плавно, враскачку, выбраться из ямы, он начал газовать и закопался в эту самую яму чуть ли не по ось. Танки шли мимо. Но рядом с грузовиком остановился «уазик». Какой-то офицер открыл дверцу переднего пассажирского сиденья, высунулся и начал разговор с пассажиром в кабине грузовика. Причем «уазик» стоял с левой стороны, и разговаривали офицеры через водителя, который прекратил газовать, чтобы не мешать разговору офицеров. В это время из кузова выпрыгнули пятеро солдат, выбросили

какие-то доски, стали под колеса подкладывать. Офицер из «уазика» проследил взглядом за работой, подсказал что-то, посмотрел на замыкающий колонну танк, который «уазик» только что обогнал, вышел из машины и стал показывать рукой совсем не в том направлении, в котором двигалась танковая колонна.

Актемар понял, что офицер объясняет, куда грузовику ехать после перекрестка, что предполагался всего в паре километров. После этого он забрался в свою машину, постучал сапогом о сапог, стряхивая грязь, и «уазик» двинулся догонять танки, которые были еще совсем недалеко.

– А эти – наши клиенты, – сказал Актемар, кивая на грузовик.

– Главное, чтобы они раньше времени из грязи не выбрались, – поддержал командира снайпер Эльджарка, не отрывая взгляда от прицела своей винтовки. Тогда у Эльджарки еще не было «Винтореза», но он и с «СВД» неплохо общался. – Эмир, а офицер-то в кабине...

– Что? – спросил Актемар.

– Он ведь не в полевой форме... Просветы на погонах голубые. Летчик, что ли?

– Что здесь летчику делать? – Актемар поднял к глазам бинокль. – Точно... Голубые просветы... Или, я бы сказал, ярко-синие... Буду рад познакомиться со старшим лейтенантом Федеральной службы безопасности... Что там наши танки?

– Уже за поворотом.

– Значит, будем знакомиться. Танки не услышат... Офицера брать живым... Эльджарка! Если выберутся, сразу оставь их без водителя. Берем только офицера. Остальные нам даром не нужны...

Это была не случайно прозвучавшая фраза, потому что многие полевые командиры развернули настоящую охоту за пленными, чтобы впоследствии получить за них выкуп. Когда больше заработать нечем, многим такой заработок казался спасением от нищеты. Эмир Дошлукаев своим бойцам категорически запретил заниматься похищением людей, считая подобные действия недостойными тех целей, к которым призывал свой народ Джохар, хотя предложения подобные от бойцов поступали.

У Актемара тогда был большой отряд, и люди в нем разные. Это потом, уже во вторую войну, когда все пошло совсем не так, когда противник был уже совсем другим и другие офицеры вели солдат в бой, вокруг эмира собрались только надежные бойцы.

Грузовик все никак не мог выбраться из грязи. Водитель газовал, колеса скользили по доскам, не цепляясь за них. Солдаты стали толкать машину. Наконец кто-то подсказал водителю (должно быть, офицер в кабине), что выбираться следует враскачку; машину стали раскачивать, но Актемару уже надоело наблюдать за этим.

– Эльджарка – водитель твой, – сказал он снайперу и добавил для других: – Солдат «Мухе» скормите...

В кузове других солдат, кроме тех, что машину толкали, не было. Иначе они тоже помогали бы. Выстрел «СВД» и выстрел «Мухи» прозвучали один за другим. И все на этом закончилось. Только офицер ФСБ, невысокого роста, щуплый, с пистолетом в руке, выскочил из машины прямо в грязь, неуклюже поскользнулся, потерял равновесие и вынужден был обеими руками опереться о землю. И руки тоже грязью испачкать. Пистолет, который он из рук не выпустил, вообще превратился в ком земли. Со стороны это было смешно. И Актемар первым вышел из «зеленки». За ним и остальные бойцы. Стволы автоматов молча и с откровенной угрозой смотрели на старшего лейтенанта...

А офицер смотрел на приближение бойцов джамаата, но бежать не пытался. В самообладании ему отказать было трудно. И взгляд был спокойно-презрительным. Он казался трезво оценивающим свое положение человеком.

– Приехали, старлей, – по-русски сказал Актемар. – Бросай свою пукалку, все равно она тебе не поможет...

Старший лейтенант ответил ему по-чеченски:

– Не боишься, что выстрелю?

– Не боюсь, – по-чеченски же ответил Актемар. – Ты, вообще-то, на психа не похож. Ты, кажется, чеченец?

– Это тебе не кажется. Я чеченец...

Тогда, в самом начале первой войны, на стороне федералов еще много чеченцев воевало. Из тех, кто с Дудаевым договориться не сумел, и просто тех, кто федеральную службу оставить не захотел, потому что слабо верил в возможность маленькой гордой республики противостоять российскому гиганту. И претензий, основанных на национальном вопросе, стороны друг другу еще не предъявляли.

Офицер ухмыльнулся и бросил в грязь комок грязи, в который превратился его пистолет. Никто даже поднимать не стал.

* * *

Пленника не били. Дисциплину и порядок Актемар в своем отряде поддерживал строго, и если сам эмир считал, что бить можно только того, кто имеет возможность ответить тем же, иначе это будет не мужским поступком, то и остальные бойцы считали это правильным.

В расстрелянной машине не оказалось ничего, представляющего интерес. Она везла в какую-то мотострелковую часть сменное нижнее солдатское белье и пятерых молодых солдат на пополнение личного состава. Солдаты даже не успели получить оружие. Старший лейтенант просто навязался в попутчики, как и сама машина навязалась в попутчики танковой колонне.

Бросив грузовик прямо на дороге, не поджигая его, чтобы не привлечь дымом вертолеты, которые время от времени пролетали то в одну, то в другую сторону, но, к счастью, всегда вдалеке от дороги, и оставив тела убитых для следующей колонны, идущей тем же путем, которым федералы постоянно пользовались, Актемар со своим джамаатом вышел в сторону скал, где его ждала большая часть отряда, чтобы уже по скалам выйти в пределы горной гряды, а оттуда – к местам соединения нескольких джамаатов. Пленного старшего лейтенанта требовалось доставить в штаб, чтобы там разбирались, что это за птица.

Актемар быстро преодолел небольшой участок открытой местности и приказал радиосту связаться со штабом. Узнав о пленном старшем лейтенанте ФСБ, там потребовали доставить его немедленно. Подумав, Актемар усадил старшего лейтенанта в машину, рядом с ним, с обеих сторон, двух бойцов пристроил, сам сел на переднее пассажирское сиденье. И дал задание отряду, с которым должен был соединиться через четыре часа.

Конечно, грязь не давала ехать так быстро, как хотелось бы. Но «уазик» в такую непогоду оказался идеальным средством передвижения. И все благополучно двигалось к завершению. Ни разу не застряли в пути, старший лейтенант вел себя смирно, признавая преимущество силы, и ему даже руки связывать не требовалось. Противника не встретили, да и встретить его здесь было маловероятно, поскольку горные участки контролировались отрядами, из которых и состояла армия Ичкерии. Но уже когда выехали на устойчивую дорогу, идущую среди скал, когда дорога стала круто вверх взбираться, откуда-то появилось вдруг вертолетное звено. Два «Ми-24» сначала пролетели мимо на высоте, малоприспособленной для атаки, потом сделали круг и пролетели уже низко, рассматривая, что за транспорт здесь движется. Транспорт без номеров всегда подлежал уничтожению. И потому Актемар приказал оставить номера на машине. Может быть, все обошлось бы, если бы не один из бойцов, у которого нервы не выдержали. В правой задней дверце стекло было выбито. И боец, высунув ствол автомата, дал по низко летящему вертолету очередь. Конечно, такая очередь не могла нанести вреда бронированному вертолетному днищу. Но «птички» на очередь отреагировали сразу, совершили еще один круг, и с

неба с шипением устремились в сторону дороги НУРСы.⁶ «Уазик» вдруг подхватила неведомая сила, кувыркнула в воздухе и сбросила с дороги под крутой склон. Актемар был еще в сознании, когда машину подбрасывало, но момент потери сознания он не почувствовал. Запомнились только страшный скрежет и громкий мат бойца-водителя...

* * *

Боль подсказала, что он еще жив, иначе Актемар подумал бы, что оказался в аду, потому что вокруг была кромешная темень. Он поднял голову и увидел что-то, смутно белеющее в той стороне, где были ноги. И там было холодно. Голова горела пламенем боли, правая рука болела еще сильнее головы, а ноги, казалось, мерзли. Актемар попытался подтянуть их под себя, и это вызвало новый приступ боли, теперь уже в ноге.

– Эй... – позвал он. – Эй, есть кто-нибудь живой?

Кричать было больно, и казалось, что это кто-то посторонний кричит.

– В себя пришел? – спросил голос, вроде бы знакомый, но не узнаваемый сразу.

– Пришел, – сказал Актемар. – Что так темно?

– Ты под камнями... Здесь природа что-то типа пещерки создала. Специально для такого случая. Я тебя от дождя туда затащил. Дождь был сильный, а потом снег повалил. Один снег, без дождя. И похолодало резко...

– Каждую ночь холодает, – ответил Актемар. – Февраль на улице, не лето... Да в горах и летом холодает резко...

– Это точно...

– Ты кто? – спросил Актемар.

– Похоже, твой ангел-хранитель...

– Что случилось?

– Не помнишь?

– Не очень...

– Я тебя из горящей машины вытащил. Тебя переломало всего... Ну, и тяжел же ты...

– НУРСы?

– НУРСы...

– А остальные?

– Я не успел. Машина взорвалась...

– А ты...

– Я – старший лейтенант, твой пленник...

– А теперь, стало быть, местами поменялись, и я твой пленник...

– Разберемся, – ответил старлей так, словно отмахнулся.

– Где мы?

– Недалеко от дороги. Метрах в пятидесяти. Смотрю, может, кто поедет?

– Никто не поедет... Ты что, ситуацию не знаешь?

– Какую ситуацию?

– Служишь где?

– Федеральная служба безопасности... Ты же документы смотрел...

– Место?

– В Москве.

– В Чечне давно?

– Второй день...

⁶ НУРС – неуправляемый реактивный снаряд.

– Понятно... По этой дороге никто не ездит. Это, грубо говоря, фронтовая зона. Ваши едут там, где мы тебя взяли. Наши – по другую сторону хребта...

– И что? Жить теперь здесь будем?

– Пойдем...

– Ты слишком высокого мнения о своих возможностях... – сказал старший лейтенант. – У тебя открытые переломы на ноге и на руке и голова разбита. Самое большее, что ты сможешь пройти, это два десятка метров. Да и то опираясь на меня...

Актемар попробовал напрячь мышцы и пошевелиться. Боль пронзила все тело.

– В этом ты прав... Кроме того, идти нам, похоже, в разные стороны... Но если так лежать, я замерзну.

– Идти нам, как ты правильно заметил, в разные стороны. Но ты идти не можешь, а лежать здесь, просто замерзнешь. К утру уже замерзнешь...

Актемар подумал, что старший лейтенант хочет пристрелить его.

– Ты где? – спросил он, одновременно здоровой рукой ощупывая себя в поисках оружия. Под рукой не было автомата, в кобуре не было пистолета. – Я тебя не вижу...

– Я же говорю, ты под камнями. Я тебя от дождя туда затолкал.

– Могилу копать не надо, – мрачно пошутил Актемар.

– Не торопись туда. Может, что и придумаем...

Значит, пристрелить желания не испытывает.

– Думай, старлей... У меня голова думать не желает... И что тут придумать? Спасайся! Не замерзай же тебе со мной... На себе все равно не унесешь, – сказал эмир.

Сильный широкоплечий Актемар был явно неподъемным весом для шуплого старшего лейтенанта. Захочет – унести не сможет. Как только еще под камни, в пещерку эту затолкал...

– Придумать что-то всегда можно. Меня, кстати, Джабраилом родители назвали. Джабраил Артаганов.

– Я – Актемар...

Знакомство состоялось.

* * *

Джабраил все-таки придумал.

– Как мне отсюда выбраться? – спросил Актемар, подразумевая под вопросом собственное желание испробовать силы и попытаться идти, поскольку сдаваться и просто лежать в ожидании смерти было для него, с его характером, вообще делом невозможным. Если нет возможности идти, значит, придется ползти. Не могут помочь правая рука и левая нога – остались левая рука и правая нога, и они помогут. Лучше умереть от потери сил и крови, чем просто лежать и ждать, когда смерть заберет тебя.

– Лучше не надо, – сказал Джабраил. – Жалко, в машине все сгорело, даже ноги тебе накрыть нечем, чтобы не мерз...

– Мне их не накрывать, а открывать нужно, – настаивал Актемар на своем.

– Не торопись, я же попросил тебя...

– Чем дольше лежать буду, тем меньше шансов выбраться.

– Где твой отряд?

– Этого тебе знать не нужно. – Ответ был категоричным, таким же категоричным, каким был бы ответ на вопрос, заданный во время допроса.

– Давай не будем в детские игры играть. Ты – Актемар Дошлукаев?

– Дошлукаев...

– Я вчера смотрел досье на тебя. Не специально. Просто под руку попало. Будь ты какой-нибудь головорез, я бы тебя и вытаскивать из машины не стал. Ты бы сгорел... Но ты вел себя достойно, и я тебя вытащил. Правда, тогда я еще не знал, что ты Дошлукаев...

– Что это меняет?

– Это ничего не меняет. Но не заставляет меня тебя убить. Ты противник, но ты не злостный враг, подлежащий уничтожению. И я не собираюсь тебя убивать.

– Спасибо. Утешил... Скажи только: как ты, чеченец, воюешь против своего народа?

– Я не воюю против своего народа. Потом ты поймешь, за что ты воюешь. И поймешь, что Джохар Дудаев совсем не та фигура, которая должна вести людей за собой. Он ведет вас в пропасть. И все только ради своих великих амбиций. Его из-за этих амбиций специально выбрали и послали сюда, в Чечню...

– Кто выбрал?

– Те, кому эта война помогает набить карманы. Больше Дудаев ни на что не годится.

– Это твое мнение. Оставь его при себе.

– Это не мнение. Это слова человека, знающего, как и почему генерала Дудаева толкали сюда. И кто толкал. Эта война развязана Джохаром, грубо говоря, по заказу российского Правительства. Там нашли достойного пастуха, который сумел повести за собой слепых овец.

Актемар мрачно промолчал. Оба долго молчали.

– Как ты думаешь, мне возможно выбраться к своим? – спросил наконец старший лейтенант.

– Не зная обстановки, не зная, где какой отряд стоит, кто за какую территорию отвечает? Думаю, почти невозможно. Если только очень повезет... Днем видно, куда идти, но и тебя видно. Перехватят. А ночью идти сложнее – и не знаешь куда, и не знаешь, к кому попадешь. Попробуй... Может, твоя звезда светит ярко...

– А вывести меня могут?

– Кто?

– Ну, предположим, твои парни...

– Не очень понял. Голова болит, думается плохо. Объясни свою мысль...

– Я не смогу утешить тебя на своих плечах. Сил не хватит, да меня и самого в машине слегка поломало. Но я ходячий. И могу идти. Если я приведу к тебе твоих парней, ты можешь дать мне слово, что потом отправишь их проводить меня до наших?

Актемар ненадолго задумался. В принципе ничего страшного в такой сделке нет. Если он скажет, где сейчас находится его отряд, даже если этот старший лейтенант и желает обмануть, ничего у него не получится. Пока он до своих доберется, отряда на месте не будет.

– Ты ночью не найдешь...

– Я хорошо ориентируюсь. А у тебя есть карта. В накладном кармане штанов на здоровой ноге, – напомнил Джабраил.

– Обыскивал меня?

– Нет. Я видел, как ты отмечал в карте, где меня захватил, а потом карту убрал в карман.

– Наблюдательный... И что ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты дал мне карту и показал, где мне найти твоих людей. Даю слово мужчины, что не воспользуюсь твоей картой в своих интересах и против тебя и твоего отряда. Я приведу твоих парней к тебе, а потом ты отправишь со мной группу сопровождения, чтобы вывели меня. Я слышал, что ты тоже дорожишь своим словом...

В карте было много обозначений. Там была обозначена дислокация отрядов, стоящих рядом. И дать такую карту в руки старшему лейтенанту ФСБ значило подставить всех. Но, с другой стороны, Джабраил мог бы сам взять карту еще в то время, когда Актемар был без сознания. А он таким шансом не воспользовался, хотя оружие забрал...

Может быть, стоило рискнуть? Не верит слову мужчины только тот, кто не умеет собственное слово держать!

– Это далеко, – еще сомневаясь, сказал Актемар. – Я рассчитывал возвращаться на машине. А ты сам говоришь, что тебя тоже поломало...

– Меня поломало, но не сломало. Я могу идти.

Актемар ошупал карман, карта была там. Он вытащил ее.

– Договорились. Помоги мне выбраться.

– Потом придется назад забираться. Среди камней теплее, там ветра нет.

– Заберусь... – Актемар, напрягая лицо от боли и задерживая дыхание, повернулся на бок и стал выползать вперед ногами. Джабраил наконец-то и себя показал, наклонившись и закрыв телом сумрачный свет, что показывал вход в пещерку. Он старался помочь, придерживая сломанную ногу Актемара двумя руками. – Иначе как я тебе покажу...

– Я бы сам к тебе забрался.

Пещерка была тесновата, и вдвоем там поместиться было сложно.

Актемар все же выбрался. Фонарик-авторучка был у него в нагрудном кармане куртки. Сел, развернул карту, подсветил и показал место.

– Вот здесь должны ждать. Только спешить надо... Могут сняться и уйти на базу.

Джабраил снял с себя бушлат, взял карту и фонарик, а бушлат положил на ноги Актемару.

– Замерзнешь, – сказал Актемар.

– Мне идти... Согреюсь. Тебе ждать... Хоть так погреешься.

Бушлат самого эмира остался в машине и, надо полагать, сгорел. Его было не жалко. Жаль было только фотографии родных, что оставались в кармане.

– Я пошел... Да хранит тебя Аллах, – сказал Джабраил, вздохнул, еще раз в карту глянул, прикидывая, видимо, место, где они находятся в данный момент, и пошел.

– Погоны на всякий случай сними, – в спину ему подсказал Актемар. – Снайперам погоны сразу видно.

Джабраил не обернулся, но Дошлукаев увидел, что он стал на ходу снимать погоны. Темнота быстро поглотила старшего лейтенанта...

* * *

Уже потеряв старшего лейтенанта из виду, Актемар долго еще слушал его шаги. Ветер был как раз с той стороны, и шаги доносились до уха быстрым прерывистым хрустом. Должно быть, Джабраил спешил и сразу пошел в высоком темпе, пока позволял это склон горы. Правильно, время требуется сокращать как раз при спуске, потому что поневоле придется потерять его, когда придется идти вверх. Да и замерзнуть старший лейтенант, наверное, не желал.

Самому Актемару было сложнее. Он примерно представил себе, как будет забираться в свою пещерку, и в принципе это не показалось слишком сложным, даже острой боли можно избежать, если заползти на спине. Вот Джабраилу было, наверное, нелегко затащить туда тяжелого эмира, а потом выбраться самому. Но пока Актемар забираться в пещерку не спешил, потому что живо представил себе, как трудно будет согреться внутри, хотя там и защищают от ветра камни. Но камни по-зимнему холодные, в чем он уже имел возможность убедиться, когда выбирался наружу. А при том, что тело горело огнем и дышало жаром, соседство с холодными камнями становилось особенно нестерпимым. И потому он попытался согреться снаружи.

Это только говорят так, что при переломе ходить невозможно. Те говорят, кто не пробовал, кого обстоятельства не заставляли. Больно, конечно... Но ходить человек все равно в состоянии. И даже, как слышал Актемар, люди на сломанной ноге бегать умудрялись. Сам он знал много случаев из спортивной жизни, когда боксеры проводили поединки со сломанными пальцами, борцы выходили на ковер со сломанными руками. Конечно, все они пользо-

вались обезболивающими средствами, а у него даже простейшего шприц-тюбика промедола не было, даже элементарной ампулы с хлорэтилом, чтобы заморозить место перелома. Впрочем, кажется, при открытых переломах хлорэтилом пользоваться нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.